

Н. Д. Ломовская

В объятиях XX-го века

Калифорния, США 2020

18+

Наталия Ломовская

**В объятиях XX-го
века. Воспоминания**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ломовская Н. Д.

В объятиях XX-го века. Воспоминания / Н. Д. Ломовская —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Автор этой книги воспоминаний, профессор, доктор биологических наук, посвятила свою жизнь изучению генетики микроорганизмов. Как ученый, Н. Д. Ломовская имеет международную известность. С докладами о своей научной работе она выступала во многих странах мира на конференциях и симпозиумах. Ее многочисленные научные статьи опубликованы во многих научных изданиях мира. Воспоминания Н. Д. Ломовской представят несомненный интерес как для широкого читателя, так и для учёных, работающих в разных областях биологии. Эти воспоминания являются свидетельством, зачастую документированным, о жизни и деятельности представителей российской научной интеллигенции в области генетики. Данная книга охватывает исторический период от начала XX-го века до 1980-х гг.

Содержание

Благодарности	5
От редакции	6
От автора	7
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	47
Глава 3	70
Глава 4	99
Глава 5	123
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Наталия Ломовская

В объятиях XX-го века. Воспоминания

Посвящаю свои воспоминания моей дорогой внучке Анне Ломовской, неожиданно, в возрасте 39 лет, в полном расцвете творческих сил ушедшей из жизни.

«Ушедшие нам оставляют часть себя, чтобы мы её хранили, и нужно продолжать жить, чтобы и они продолжались. К чему, в конце концов, и сводится жизнь, осознаём мы это или нет.»

Иосиф Бродский (Из речи на вечере памяти Карла Проффера)

«Бессмертие существует. Это непрерывный ряд репликации генов и память людская.»

Сергей Инге – Вечтомов

Благодарности

Выражаю глубокую благодарность моей дочери Ольге Ломовской за её очень серьёзный и объёмный вклад в разные аспекты подготовки этой рукописи к печати.

Выражаю также глубокую благодарность моему покойному мужу Л. М. Фонштейну. Эта книга писалась мной, когда он был ещё жив и многие эпизоды, в ней описанные, мы вспоминали вместе. Но его несомненная заслуга в том, что многие события нашей совместной жизни он помнил гораздо лучше меня, имея прекрасную память.

Особую благодарность выражаю редактору рукописи Лине Марковой за её высокий профессионализм, советы и предложения, которые внесли ценный вклад в окончательный текст книги.

Н. Д. Ломовская

От редакции

Воспоминания Н. Д. Ломовской представляют несомненный интерес как для широкого читателя, так и для учёных, работающих в разных областях биологии.

Как и ее книга «Биолог Леонид Фонштейн», эти воспоминания являются свидетельством, зачастую документированным, о жизни и деятельности представителей российской научной интеллигенции в области генетики. Данная книга охватывает длительный исторический период – от начала XX-го века до 1980 гг.

От автора

Своим прошлым я стала интересоваться, будучи уже в преклонном возрасте. Трудность этих воспоминаний заключается в том, что большинство свидетелей минувших дней уже скончались и почти не у кого было спросить о том, что я сама уже вспомнить не могла или, скорее всего, просто не знала. Сейчас уже ушел из жизни и мой муж, Леонид Максович Фонштейн, обладавший прекрасной памятью, которая не ухудшилась и в его пожилом возрасте. Но, конечно, он не был свидетелем детских и юношеских лет моей жизни, а тем более значительного периода жизни моих родителей. Трудность этих воспоминаний усугублялась ещё двумя обстоятельствами. Мои бабушка, мама и папа, с которыми я прожила значительный отрезок моей жизни, следовали тогдашним негласным правилам не упоминать детям о своём прошлом. К тому же, некоторые вещи, которые упоминались, могли стереться из моей памяти. А главное состояло в том, что я в течение значительного периода своей жизни сама совершенно не интересовалась своим прошлым. Тут уж вина полностью лежит на мне. Многие из своего прошлого я ещё могла узнать у мамы, своей тёти Вали, папы, когда ослабли цепи советского периода нашей жизни.

Единственное, что я сообразила сделать, так это попросить маму подписать старые фотографии семьи Ломовских. Сохранившиеся фотографии семьи Шаскольских были, главным образом, подписаны. Но и папу, Дмитрия Владимировича Шаскольского, в его последние годы жизни я тоже не расспрашивала о его прошлом и прошлом его выдающейся семьи. А он тоже не выражал никакого желания говорить об этом. Казалось, что старая привычка молчать о прошлом стала очень устойчивой чертой его характера.

Однако главную вину я должна взять на себя, так как я уверена, что он бы всё-таки мне что-то рассказал, увидев мою заинтересованность. Но и он, и я в последние годы его жизни были целиком заняты наукой, его пошатнувшимся здоровьем и решением тяжёлых бытовых проблем.

Эти воспоминания я начала писать урывками и, практически, закончила ещё при жизни моего мужа, с которым мы прожили вместе несколько жизней в течение более полувека. Конечно, его вклад в написание этих воспоминаний очень велик. Он много рассказывал о своей жизни и жизни его семьи до нашей женитьбы, а также помогал мне вспомнить очень многое из нашей с ним совместной жизни. Когда я читала ему написанные мной куски текста он, к моему большому удивлению, не делал замечаний и говорил, что ему нравится то, что я пишу. Я относилась это за счёт того, что ему уже просто не хотелось трудиться на ниве воспоминаний, несмотря на то, что он был очень опытным редактором. Однако в это же время, когда я написала большую статью о своей многолетней научной работе, он в одночасье сократил её на десять страниц, при том, что я не могла выбросить из неё ни единой строчки.

Леонид Максович Фонштейн скончался в конце 2014 года, оставив безутешными его жену, дочь, внучку, сестру и других его родственников. Он также остался в памяти своих друзей и коллег. Прервав работу над этими воспоминаниями, я написала книгу воспоминаний о моём муже. Она называется «Биолог Леонид Фонштейн», Биографический очерк, Калифорния, США. 2015–2016. В неё вошли и воспоминания его родственников, друзей и коллег.

При написании окончательного варианта этих моих воспоминаний я, конечно, столкнулась с ожидаемой трудностью, как избежать повторений в обеих книгах. Пока этот вопрос остаётся нерешённым. Никак не избежать!

Сейчас у меня практически остался только один помощник, моя дочь Олечка, которая в ряде случаев помнит больше меня, хотя тоже жалуется на плохую память, унаследованную от своей мамы. Учитывая то обстоятельство, что она занята выше головы, приходится часто прорываться самостоятельно, оставляя нерешёнными многие важные проблемы.

В этих воспоминаниях мне хотелось особо оставить память о моих родителях Эмме Григорьевне Ломовской и Дмитрии Владимировиче Шаскольском, перед которыми я испытываю чувство вины в том, что не уделяла им достаточно внимания, будучи занята заботами уже о своей семье и очень напряженной работой после окончания Московского университета.

После длительных размышлений я решила включить в мои воспоминания отрывки из писем моей мамы своим родителям с Дальнего Востока. Кроме того, в них включены большие отрывки из маминых писем к моему папе, охватывающих период 1948–1949 годов. Последние являются практически подробным дневником событий, происходящих после известной сессии ВАСХНИЛ, окончательно определившей на долгие годы замену классической генетики и других биологических дисциплин на лженауку, затормозившую в большой стране поступательное движение важнейших научных направлений. Моя мама волею судьбы оказалась свидетелем и против её воли участником событий, происходивших в главном учебном и научном учреждении нашей страны – Московском государственном университете.

Моя роль как писателя воспоминаний кончается с окончанием этого труда. Оценивать его предстоит читателям, которые, я уверена, будут иметь свои собственные и, я думаю, самые различные мнения по поводу прочитанного. Ещё, конечно, хочу упомянуть о своём праве писать только о том, что считаю нужным. Вот и все мои краткие размышления, попавшие в раздел книги «От автора».

Невозможно недооценить волшебную силу интернета и помощь людей, сохраняющих память о тех, с кем их сталкивала жизнь, и помещающих свои воспоминания в интернете. Низкий им поклон!

Посвящаю все мои воспоминания моей единственной дорогой внучке Анне Ломовской, неожиданно в возрасте 39 лет в полном расцвете своих творческих сил ушедшей из жизни. Легла спать и не проснулась.

Часть первая

Глава 1

Краткая родословная семьи Ломовских, эпизоды жизни моих близких после революции

Как это ни прискорбно, своим прошлым я стала интересоваться, главным образом, уже в преклонном возрасте. Я считаю это своей виной, так как уверена, что будь я настойчивей, мои родители рассказали бы мне многое из того, о чем в нашей стране (бывшем Советском Союзе) принято было умалчивать. Я не сообразила сделать это тогда, когда времена стали меняться и страх перестал быть определяющим фактором обоюдного молчания. Я даже не удосужилась узнать некоторые вещи из нашей семейной жизни, которые совсем не были обусловлены перечисленными выше причинами.

Родилась я в Москве в 1935 году у Грауэрмана. Так все называли родильный дом на Арбате, который сейчас уже давно закрыт. Такое впечатление, что там родились все дети жителей Москвы в 1930-ые годы, живущих в пределах Садового кольца.

Моя мама, Эмма Григорьевна Ломовская (1910–1985) родилась в Харькове.

Мой биологический отец – Николай Иванович Рябов (1908–1968). Моя мама вышла за него замуж, когда они вместе работали в начале 1930-х годов в Хабаровском государственном педагогическом институте.

Мой приёмный отец (папа) с конца 30-х годов – Дмитрий Владимирович Шаскольский (1908–1990), родился в Москве. От меня с самого моего раннего детства не скрывали, что мой папа – не мой родной отец.

Мой прадедушка по материнской линии – Петр Борисович Книгер (1862–1938). По упоминаниям, он был управляющим угольными шахтами на Украине. Моя прабабушка – жена Петра Борисовича, Софья Григорьевна Книгер. Им удалось в начале 30-х годов приехать к своей единственной дочери в Москву, как я понимаю (это проскальзывало в разговорах взрослых), спасаясь от голода на Украине. Я помню, как я, совсем ещё маленькая девочка, приносила чай старенькому дедушке (так я его называла), когда он уже не вставал с постели, в конце 30-х годов. Моя прабабушка Софья Григорьевна скончалась незадолго до моего рождения.

Мой второй прадедушка по материнской линии – Иосиф (Еселев) Ломовский был учителем в еврейской школе в Мариуполе, на Украине. Они с его женой Эсфирь имели двенадцать своих собственных детей и еще воспитывали приемных. Дедушкины братья, их жёны и сестра, которых я помню: дядя Соломон (бухгалтер) и его жена Лина, дядя Саул и его жена тётя Ганя, дядя Миша и дядя Илья, оба инженеры, сестра Анна. Сведения, прямо скажем, в духе того времени.

Мой дедушка Григорий Иосифович (Гирш Еселев) Ломовский (1886–1942), отец моей мамы, окончил в 1910 году юридический факультет Харьковского Императорского университета (диплом первой степени об окончании университета, выданный декабря 8 дня 1911 года хранится в моем архиве). Поступил он в этот университет, по-видимому, благодаря тому, что существовала квота для принятия в студенты из числа евреев, детей школьных учителей. Способностями, наверное, его бог тоже не обидел. Сумел ли он реализовать в последующие годы его короткой жизни все преимущества прекрасного образования, которое он получил, я не знаю. Думаю, что нет.

Моя бабушка, Любовь Петровна Ломовская (1889–1969), урожденная Книгер, окончила гимназию. Поженились они с дедушкой в 1909 году, а в 1910 году у них родилась дочка, назвали

Эммой по имени героини не помню какого-то очень известного в те времена английского или французского романа. До первой мировой войны бабушка ездила в Европу, Швейцарию и Германию, на воды вместе с дочкой. На обратной стороне одной из бабушкиных фотографий, сделанной в Женеве в 1912 году, слово «Женева» выскоблено бритвой. А на лицевой стороне фотографии слово «Женева» (Geneva) осталось, не усмотрели. Люди боялись упоминаний о своем прошлом.

Относительно мамы в детстве. Сохранилась годовая ведомость об успехах ученицы среднего подготовительного класса Ломовской Эммы в 1917–1918 учебном году (Полтава) в частной, с правами мужских казенных гимназий, еврейской гимназии С. М. Гуревич. «Успевает: русский и арифметика, еврейский. Задание на лето: необходимо записаться в библиотеку. Переводится в старший подготовительный класс (младшую группу)».

В 1919 г. у моей мамы появилась родная сестра, моя тетя Валентина Гиршевна (Григорьевна) Ломовская (1919–2005). По паспорту она осталась Гиршевной (отчество в паспортном столе менять отказались), хотя все ее называли Валентиной Григорьевной. По ее короткому замечанию, которое она обронила только во время нашего отъезда в Америку в 1992 г., ее родители, мои бабушка и дедушка, в начале 20-х годов собирались эмигрировать в Америку, но остались в Москве, т. к. она, их младшая дочь, неожиданно тяжело заболела.

В двадцатых годах во время НЭПа. Григорию Иосифовичу и Любовь Петровне удалось купить кооперативную квартиру в Москве на Малой Бронной в новом доме, построенном напротив Патриарших прудов, как будто бы на месте дома патриарха. Как вскользь упоминалось дома, на уплату квартиры ушли чудом сохранившиеся бабушкины личные украшения. То немногое, что осталось, было продано во время войны. У меня сохранилась лишь одна единственная брошка, серебряная с черным камешком, которую подарила мне моя бабушка Любовь Петровна. Наш дом был построен для сотрудников рабоче-строительного кооперативного товарищества «Работник льноторга» в 1926 году (архитекторы И. П. Машков и Б. М. Великовский).

Балкон в большой комнате (20 кв. м) нашей квартиры выходил на Малую Бронную с видом на Патриаршие пруды, окна двух остальных комнат (13 и 10 кв. м.) и кухни (10 кв. м) выходили во двор. В глубине двора до самого нашего отъезда из квартиры в 1963 году сохранились людские – двухэтажный многокомнатный старый дом. В одной из комнат этого дома жила моя одноклассница. Во дворе нашего дома были и другие выходившие на улицу старые дома со старинной мебелью и следами прошлого уклада, в которых мне случалось бывать.

Как я понимаю, до войны моя семья жила очень скромно. Бабушка и дедушка проводили со мной много времени. Мои довоенные воспоминания совершенно скудные: помню говорящую куклу, запах флоксов на даче у Шаскольских.

Совершенно отчетливо помню, как началась война. Мы с дедушкой подошли к саду Аквариум на Садовой и услышали из репродуктора речь Молотова.

Моя мама после окончания естественного отделения физико-математического факультета 2-ого МГУ (наверное, в 1931 году) была направлена работать вместе со своими однокурсницами и закадычными подружками Лёлей Мукосеевой, Леной Фишер и Любой (фамилию не знаю) в Хабаровск в качестве педагогов. Сохранились мамины фотографии того периода. На обратной стороне одной из них надпись рукой ее подруги: «будем хорошими коммунистами». В Хабаровске она и познакомилась с Николаем Ивановичем Рябовым и вышла за него замуж. Судя по нескольким сохранившимся письмам мамы из Хабаровска ее родителям в Москву и по ее мимолетным высказываниям мне, они с моим отцом очень любили друг друга.

Привожу выдержки из письма мамы с Дальнего Востока, написанного в период с 13 февраля по 13 апреля 1934 г., и полностью письмо от 2-го декабря 1934 г.

«Последнее письмо от Коли (Н. И. Рябова – Н. Л.) получила ужасно хорошее. Он пишет, что к 1-му мая уже наверняка будет в Хабаровске. Вы

все интересуетесь перспективами, но, честное слово, поверьте, что решить все одна я сейчас не могу, да, откровенно говоря, и не хочу. Ведь ясно, что без Коли я в Москве не останусь совсем, разве уже будет что-нибудь экстраординарное (например, меня отпустят на учебу и дадут путевку в аспирантуру) ну, тут уже меня, конечно, ничто и никто удержать не сможет, или мы разругаемся. Но не предвидится ни того, ни, особенно, другого, а поэтому решить вопрос самостоятельно я сейчас не смогу. У меня нагрузка большущая. Дали еще подготовительное отделение, читаю там начатки естествознания, так что в общем хватает. Вы все просите, чтобы я прислала фотографии, но вся беда в том, что я никак не могла удосужиться сняться, а Колины фотографии все коллективные. Одна только карточка, где он снят один, но мне жалко ее отсылать, пришлось исковеркать одну, паршивую правда, карточку (образца 1931) и Вам послать, но надо сказать, что все-таки он в жизни не такой, во-первых, очень большущий, потом без очков (он их надевает в особо торжественные дни), потом сейчас немножко года на 3 постарше. А вот у вашей «красавицы» дочка на одной карточке вид довольно скорбный, не отражающий действительности, ну а другая более или менее попадает в точку. Чувствую я себя очень хорошо. На дворе весна, дивная погодка, я уже даже перекочевала в осеннее пальто. Да, у нас жуткое событие. Горельшиев уехал на практику, Нюська осталась и вдруг поздно вечером к ней вкатывается старая жена Горельшиева с мальчишкой (приехала из Ленинграда) – семейная драма в полном разгаре. Горельшиева нет, она живет здесь, а Нюська обретает пока у меня – благо кровать пустая. В общем, прямо беда. Вот и все хабаровские события.

Хабаровск разрастается довольно интенсивно. Челюскинцы пока сидят на своей льдине, а газетные трепачи пользуются случаем похвастать знаниями дальневосточной экзотики, повисшими облаками над Амурскими сопками и слиянием двух великих водных магистралей ДВК (Дальневосточного края – Н. Л.) Амура и Уссури – картина величественная, но довольно грязно на барахолке, которая стоит как раз в месте слияния Амура и Уссури. Ну, целую крепко, заболталась, Муся. Привет бабушке и дедушке¹

Хабаровск 26 декабря 34 г.

Дорогие мои мамочка и папочка!

Получила от Вас телеграмму и в общем страшно забеспокоилась. Неужели же вы не получили моих писем. Одно писала когда-то в Хабаровске после Октябрьских праздников. А другое во Владивостоке не так давно, примерно числа 13 декабря. От Вас за это время получила только одно письмо. Я ведь почти целый месяц была во Владивостоке в командировке по набору студентов, да и кое-что делала в университетской лаборатории. Дело в том, что я курс закончила 20 ноября и занятия теперь начнутся с 1 января 35 г. Потом 8 дней жила в доме отдыха партактива под Владивостоком. Там замечательный дом отдыха, отдохнула прекрасно. Во Владивостоке просто бабье лето или такая хорошая золотая осень. Снега совсем нет. Коля тоже был там в командировке, но мы с ним жили вместе только две недели. А потом он уехал в Хабаровск, а я еще осталась в доме отдыха.

¹ Последняя фраза означает, что моя прабабушка Софья Григорьевна Книгер была ещё жива в 1934 году (Н. Л.).

Он уже поправился очень хорошо. А в Хабаровске меня ожидали 2 новости. Во первых, сняли моего биолога и мне отдают мою родную биологию со всеми потрохами, т. е. с заведованием кабинетом (последнее не улыбается, анатомия, к сожалению, тоже). Так что я теперь выросла до небес. Во вторых, в меньших масштабах, но, пожалуй, не менее приятное событие – Колюшка мне купил часы, ужасно хорошие, между прочим, очень похожие на мои старые СУМА. Сейчас готовлюсь во всю К биологии, преподаю в кабинете и привожу его в божеский вид. У нас сейчас краевой съезд Советов, и Коля тоже целый день, иногда до 12 ночи пропадает там. Он руководит краевой выставкой съезда и окончательно избегался, так что вижу я его только тогда, когда сама попадаю на съезд, да поздно ночью. Мамочка, ты все беспокоишься о кофте. У меня уже давным давно есть очень хорошая синяя шерстяная, такая теплая, что я в своей шубке и в ней как в печке. Коля ее привез из Владивостока еще в Октябрьские дни. Во Владивостоке такой шикарный ГУМ, прямо как в Москве, 3-этажный и всего полно, да и в Хабаровске в этом году есть почти все. Я еще кое-что поднакупила. Интересно, что это за материя мне на платье, которую ты купила. Я купила шелковое полотно, но пока еще не сшила. Хочу выслать Вам на днях рублей 150, чтобы Вальке обязательно из них были куплены ботинки с коньками. А мы уже катались на коньках. С лыжами в этом году пролетели, так как снега, как это ни странно, нет.

Мы снимали друг друга, получилось очень жутко, особенно старый иезуит Коляка. Единственное, что его утешает, это мой галстук. Он носит его без конца и рубашку тоже, страшно нравится и то и другое и говорит, что редкое сочетание приятного с полезным. Боюсь посылать эти рожки, потому что уж больно жуткий вид, но, с другой стороны, если вы не лишены фантазии, то умножьте положительные стороны, и это будем мы. Ну, расписалась жутко. Целую крепко. Всего хорошего, Муся

Привет всем нашим. Жду писем от Вас. Я послала уже Вам вчера телеграмму, в которой поздравила с Новым Годом, не будем дублировать. Привет от Коляки.

Почему Вы не присылаете Вашей фотографии?»

И так я и не знаю, почему моя мама и мой отец так неожиданно расстались в середине 1935 года. Наверное, если бы я спросила маму или ее подруг, которых я тоже очень хорошо знала в течение моей уже взрослой жизни, они бы мне рассказали. Могла спросить и у бабушки Любовь Петровны, и у моего приёмного отца (папы) Дмитрия Владимировича Шаскольского, и у тети Вали. Но теперь спросить не у кого, хоть бейся головой о стенку!

Помню, как мама рассказывала о Хабаровске, об огромной реке Амур, о рыбной путине, об общении там с корейцами, которых было много и они считали, что все русские на одно лицо. У нас сейчас дома в Америке есть старая статуэтка корейского божка с мешком, которую маме подарил пожилой кореец, и она привезла её из Хабаровска в Москву.

Когда я проездом из Японии была в Хабаровске в 1968 г. (в возрасте 33 лет) ни города, ни реки я практически не видела. У поезда, прибывшего из Находки, меня встретила Лена Фишер, мамина ближайшая подруга, с некрологом в руках. За два месяца до моего приезда умер Н. И. Рябов, мой отец, с которым я всегда мечтала увидеться. Ему было всего 60 лет. Успели только сходить на кладбище. Больше ничего не помню, так я была расстроена его внезапной кончиной и неосуществлением мечты всей моей предыдущей жизни увидеть моего родного отца.

Привожу полный текст короткого некролога, опубликованного в газете «Тихоокеанская Звезда» от 6 июля 1968 г. по поводу кончины Н. И. Рябова:

*«Умер Николай Иванович Рябов, один из старейших работников Хабаровского педагогического института, член КПСС с 1941 года, доцент, кандидат исторических наук. Трудящиеся края и особенно педагоги, молодежь, учащиеся хорошо знают Николая Ивановича как прекрасного лектора, прививавшего любовь к нашему родному Дальнему Востоку. Н. И. Рябов родился 16 июня 1908 года. Всю свою жизнь Н. И. Рябов работал на ниве народного просвещения. Он один из первых пионерских вожаков г. Хабаровска. С 1940 года до последних дней трудился в Хабаровском пединституте. Николай Иванович был крупным специалистом по истории Дальнего Востока и хорошим педагогом. Его воспитанники работают во всех уголках нашего края. Мы глубоко скорбим по поводу преждевременной кончины Николая Ивановича. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.
Группа товарищей»*

Представляется, что некролог написан в том очень формальном стиле, которым отличалось подавляющее большинство некрологов в советских газетах. Причем, это чувство у меня возникло сразу после его прочтения, а не в последующие годы.

Мамины подруги Лёля и Лена, с которыми она потом дружила в течение всей своей жизни, хорошо знали Н. И. Рябова, считали, что у меня с ним много общих черт, как внешних, так и внутренних. Насчет внешних я сомневаюсь, так как все всегда считали, что я очень похожа на свою маму, а насчёт внутренних не исключено, что что-то перешло ко мне и от отца, а может быть, в результате комбинации родительских генов появилось в характере что-то новое, отличное от черт характера обоих моих родителей.

Сейчас в интернете ещё до сих пор остались упоминания о Николае Ивановиче Рябове. Вот некоторые выдержки из них:

«Вожатым отряда весной 1923 года стал комсомолец Николай Рябов – бывший детдомовец, будущий доцент Хабаровского педагогического института, известный ученый-историк.»

Его имя упоминается среди замечательных педагогов, которые пришли в Хабаровский педагогический институт в самом начале его образования:

«Обозревая пройденный путь, следует отметить тех, кто в тяжелые годы становления вуза и его развития отдавал свои силы и здоровье подготовке педагогических кадров. Их много, но назовем лишь тех, о которых ходили легенды. У истоков вуза стояли замечательные педагоги и организаторы образования: П. П. Кирьянов, директор института (1938–1945), М. Г. Штейн, М. Ф. Туликов, М. И. Бушужева, К. Б. Шустерман, Н. И. Рябов, О. И. Лысенко, Е. Е. Желтоухов, Н. Н. Швецова, Э. Г. Фишер, В. У. Баранов, Х. Б. Ливери, А. В. Шереметьев, П. Н. Богоявленский, А. П. Большаков, А. С. Черных, В. Е. Гончарова, В. А. Сорокин, И. Н. Лерман, Н. А. Авдеева и др.»

Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова

Адрес: 680000, город Хабаровск, улица

Шевченко, дом 11.

Телефон: (4212) 31-08-02, (4212) 32-63-64.

Электронная почта: museumkhv@yahoo.com

Коллекция «Редкая книга» в составе музейной коллекции «Фотодокументы»

Первые поступления в коллекцию «Редкая книга» относятся к 1954 г. В основе собрания – книги из библиотек Н. И. Рябова, Вс. Н. Иванова, Н. Н. Матвеева-Бодрого; издания, пере-

данные Хабаровским отделением Союза писателей, редакцией газеты «Тихоокеанская звезда», библиотекой Хабаровского государственного педагогического института.

В 1970 г. (по завещанию Н. И. Рябова – Н. Л.) в музейное собрание поступило более 150 книг из домашней библиотеки Н. И. Рябова, кандидата исторических наук, первого преподавателя исторической кафедры Хабаровского педагогического института, одного из первых пионеров г. Хабаровска. В библиотеке Н. И. Рябова хранилась книга П. Н. Милюкова, русского политического деятеля, историка, публициста, министра иностранных дел Временного правительства в 1917 году «Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Том II. Антибольшевистское движение». Она была издана автором в 1927 году во время эмиграции в Париже.

Вот ещё одно упоминание о Н. И. Рябове.

...Хабаровск круто изменил судьбу художника А. Мильчина. Особую роль сыграл ученый-историк, преподаватель педагогического института Н. И. Рябов. Он разбудил интерес художника к истории освоения Дальнего Востока, привлек к изучению великих дел и подвигов землепроходцев. А. Мильчин решил воссоздать образы русских первопроходцев Пояркова, Хабарова, Атласова, Дежнева, Чирикова. Первой стала скульптура Семена Дежнева. Она явилась первой скульптурной работой от Хабаровского края на Всесоюзной художественной выставке в Москве (1950). В 1953 г. А. П. Мильчин представляет в Москве свое новое произведение – небольшую, до метра высотой скульптуру Ерофея Хабарова. После закрытия выставки скульптура была приобретена Государственной закупочной комиссией и экспонировалась в европейских странах народной демократии.
...Рябов Н. И., Штейн М. Г., Очерки по истории русского Дальнего Востока XVII – начала XX веков. Хабаровск, 1958.

Это одна из многочисленных ссылок на книги, опубликованные Н. И. Рябовым. Ну вот, пожалуй, и почти всё, что удалось про него найти в интернете. Мои поиски его родственников по интернету тоже оказались безуспешными. Слишком много Рябовых, да и имя, чтобы искать по отчеству, тоже, прямо скажем, не оригинальное. И потом уж так много лет прошло...

Как я уже упоминала, родилась я в Москве после возвращения мамы из Хабаровска. В родильном доме она читала чьи-то воспоминания о Пушкине и его жене и решила назвать меня в ее честь Натальей Николаевной. Все советские времена Н. Н. Пушкину всегда критиковали, а мама, вот, наверное, что-то в ней разглядела. Так я и была Натальей Николаевной до тех пор, пока меня не удочерил мой папа, Дмитрий Владимирович Шаскольский в 1952 году. Правда, никто меня в эти годы по имени и отчеству и не называл.

У моего папы была первая жена Ольга Григорьевна Гольцман, тоже биолог и дочка Наташа (Наталья Дмитриевна Шаскольская). Когда папа меня удочерил в 1952 г., я осталась Ломовской. Так мы все (мои прабабушка, бабушка, мама, я, наша дочка Оля и даже наша внучка Аня) одни по замужеству, другие в силу обстоятельств – Ломовские (шесть поколений).

Мой прадедушка по материнской линии Книгер Пётр Борисович (1862–1938), отец моей бабушки Любовь Петровны Ломовской. По упоминаниям, был состоятельным человеком, работая управляющим угольными шахтами на Украине. Фотография сделана в г. Полтаве.²

² Во всех случаях при употреблении слов «моя», «мой» или «моего» имеется ввиду автор этих воспоминаний Н. Д. Ломовская

Моя прабабушка Софья Григорьевна Книгер, жена П. Б. Книгера (стоит) и её сестра Хая Лившиц (сидит). На обороте печать: «5-тиминутная фотография, г. Полтава».

Родители моего дедушки Григория Иосифовича Ломовского: Иосиф и Эсфирь Ломовские. Фотография сделана в г. Мариуполе.

Моя бабушка Любовь Петровна Ломовская (1889–1969), гимназистка.

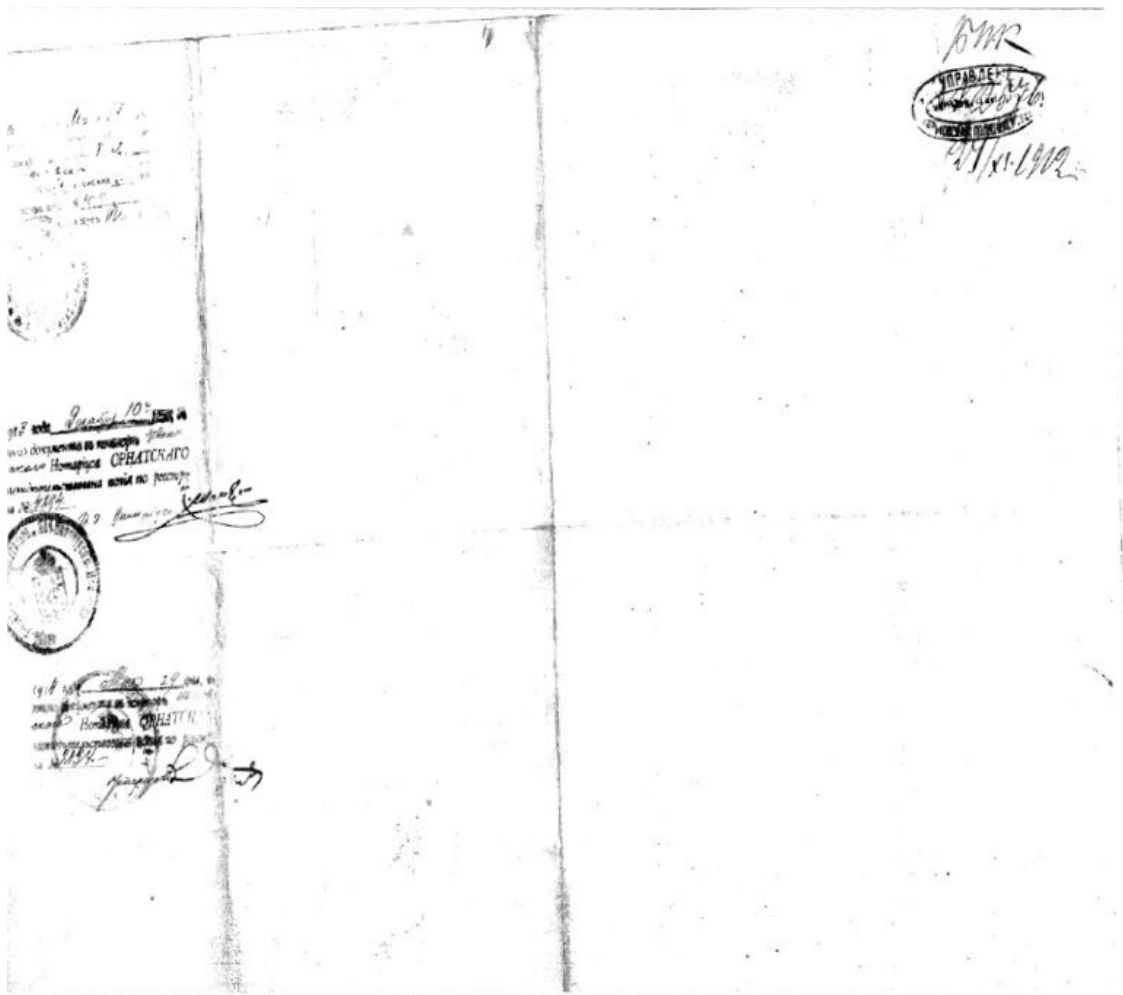

Мой дедушка, Григорий Иосифович Ломовский (1885–1941) – студент юридического факультета Императорского Харьковского университета.

Мой дедушка, Г. И. Ломовский (стоит в центре) и моя бабушка, Л. П. Ломовская (сидит справа) со своими близкими друзьями Евгенией Павловной и Иосифом Матвеевичем Розинными. 1910 год, г. Харьков. На бабушке бархатное платье, в руках изящная муфта, у неё красивая и сложная причёска. Ручка кресла, на котором сидит бабушка, заканчивается головой какого-то животного. Перед дедушкой лежит старинная книга, наверное, собственность фотографии. Дедушка – ещё студент Императорского Харьковского университета.

А вот и диплом моего дедушки Г. И. (Гирша Еселева) Ломовского об окончании в 1910 году юридического факультета Императорского Харьковского университета (диплом первой степени об окончании университета, выданный декабря 8 дня 1911 года, хранится в моем архиве).

Моя бабушка Любовь Петровна (1911 год, г. Харьков). Моей маме Эмме Ломовской нет ещё и годика.

Фото моей бабушки Любовь Петровны Ломовской сделано в Женеве в 1912 году. На обороте фотографии слово «Женева» (Geneva) тщательно выскоблено бритвой, а на лицевой стороне фотографии зачеркнуть забыли.

Город Дрезден, 1913 год. Моя бабушка (третья слева) стоит с крокетным молотком в руке. Моя мама – на первом плане слева. Стоит отвернувшись.

Моя мама Эмма (Муся) Ломовская, г. Харьков, 1913 год.

Мои бабушка, Любовь Петровна, и дедушка, Григорий Иосифович, в городе Кисловодске до революции.

Моя мама Э. Г. Ломовская в возрасте 3-х лет и 4-х месяцев сфотографирована 10 июня 1913 года в г. Харькове.

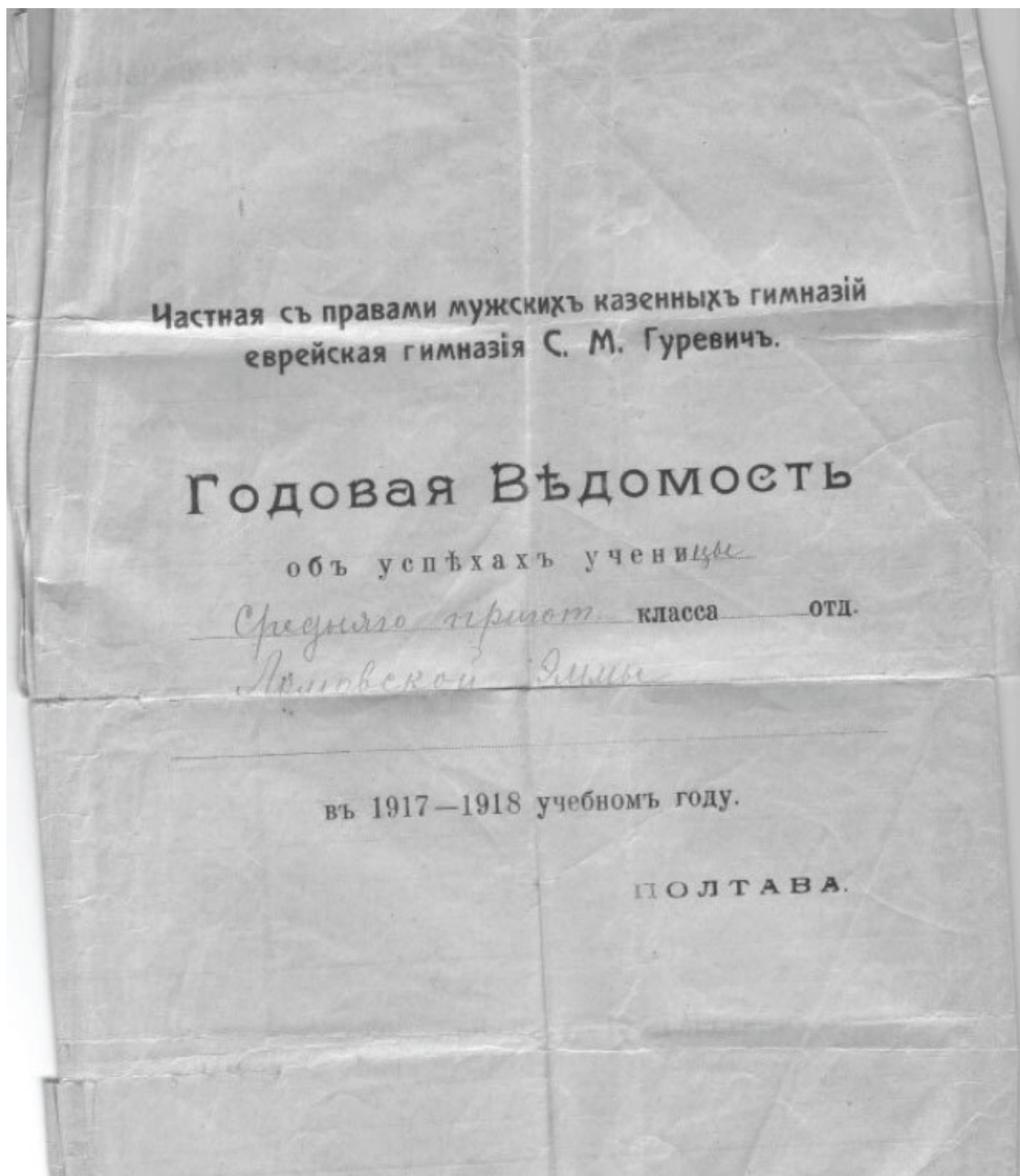
Моя бабушка с моей мамой. Полтава, 1917 год.

Мои дедушка, бабушка и мама (мама в 1-ом классе гимназии). Фото 1918 года, г. Полтава. Дедушка в какой-то полувоенной гимнастёрке, фотография сделана на дешёвой фотобумаге без обозначения фотографии.

Мой дедушка Григорий Иосифович Ломовский. Полтава, 1919 г.

Обложка Годовой ведомости об успехах ученицы среднего подготовительного класса Ломовской Эммы в 1917–1918 учебном году, Полтава, с правами мужских казённых гимназий еврейская гимназия С. М. Гуревич. Правописание дореволюционное с твердым знаком и «и» с точкой.

Справка, каким-то необыкновенным образом сохранившаяся, как, впрочем, и другие материалы (к сожалению, далеко не все) в моём архиве. То, что сохранилось, – это моя заслуга, а то, что утрачено, это моя невольная и вольная вина.

Текст справки:

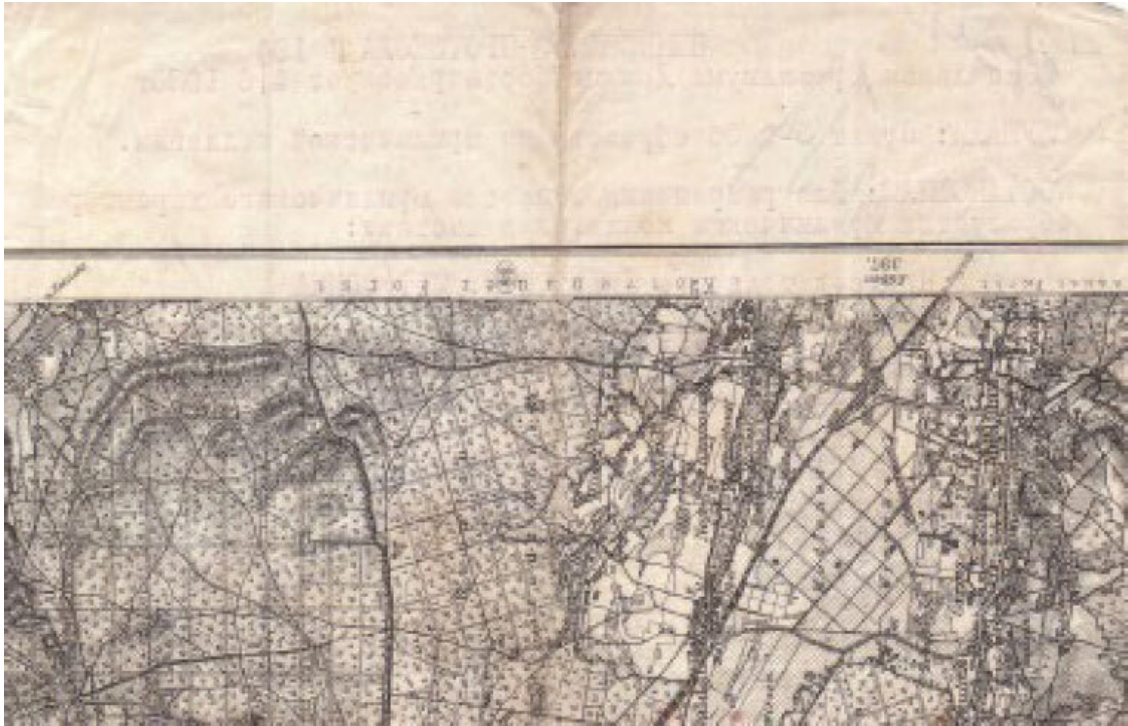
Выписка из протокола № 104 Заседания президиума (неразб.) от 4/6/1920.

Слушали: Пункт 5-й Об образовании юридической коллегии.

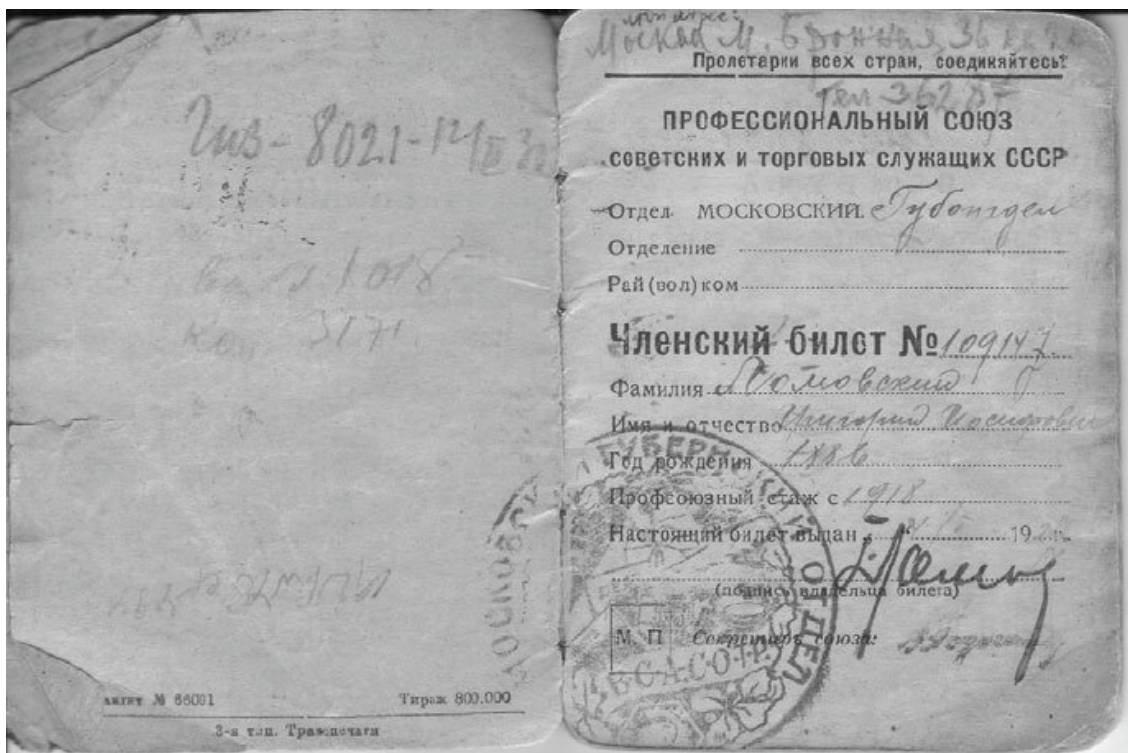
Постановили: для разрешения вопросов юридического характера образуется юридическая коллегия в составе:

Председателя (неразб.) Правления И. П. Митровича Членов; Юристы Г. Ломовский, (неразб.)

При Врид. Секретаре Л. С. Корохом (?) С подлинным верно

Обратная сторона этой справки, выданной в 1920 году моему дедушке Г. И. Ломовскому. Справка написана на карте ещё немецкого города Бунзлау Веймарской республики. Это выяснила уже в Америке через почти сто лет после написания этой справки наша молодая сводная родственница Софья Карандашева, за что я, потрясённая её открытием, выражаю ей сердечную благодарность.

Первая страница профсоюзного билета моего дедушки Г. И. Ломовского. Можно различить с трудом, что билет был выдан ему как члену профсоюза в 1918 году. Конечно, этот билет

должен быть изучен специалистами архивов. Сверху наш домашний адрес в Москве по Малой Бронной, написанный уже позднее.

Этот же профсоюзный билет открыт на странице об уплате профсоюзных взносов за 1927 и 1928 годы. На каждом месяце за 1928 год пометка: явился на отметку. Всех держали даже через профсоюз на заметке.

Наш дом на Малой Бронной в процессе строительства. Балкон нашей квартиры – первый слева на третьем этаже дома. Адрес квартиры всегда оставался и остаётся до сих пор неизменным: Москва, Малая Бронная, д. 36, кв. 20.

На субботнике в нашем дворе на Малой Бронной улице (конец 20-х?). Третий слева Муся Кафенгауз, сосед с первого этажа (погиб в самом начале войны в 1941 году). Вторая справа моя тётя Валя (Валентина Григорьевна Ломовская). В центре её близкая подруга Галя Сельцовская.

Моя мама Эмма Григорьевна Ломовская. Фотография сделана или перед отъездом на Дальний Восток или уже по приезде в г. Хабаровск, предположительно в 1932 году.

Мои дедушка и бабушка с дочерью Валентиной снялись после того, как моя мама уехала на Дальний Восток (1932).

Три грации: слева направо Лена (в замужестве Фишер), Люба и моя мама Эмма (в просторечьи Муся) – однокурсницы и будущие дальневосточницы (Москва, 5 января 1931 г.)

Мой (Н. Л.) отец Николай Иванович Рябов. Галстук и рубашка, подаренные моей мамой, ему очень нравились. Качество фотографии оставляет желать лучшего. Это одна из двух фотографий, которую мне удалось обнаружить в бумагах моей семьи. Сделала я это уже после многочисленных переездов с квартиры на квартиру, когда многие бумаги, фотографии и письма были невосвратимо утрачены.

Лёля Мукосеева и Муся Ломовская (моя мама). Хабаровск, 1933 год. На обороте фотографии надпись: «Комвузовская профессура за научными трудами».

Опять неудачная фотография с Дальнего Востока. Н. И. Рябов, моя мама и её самая близкая подруга Лёля Мукосеева.

Миниатюрная скульптура состоятельного корейца, подаренная моей маме (Э. Г. Ломовской) одним из корейцев, с которым мама работала во время путины, интенсивного лова лосося, на реке Амур в начале 30-х годов 20-ого века. Эта скульптура моими (Н. Л.) усилиями попала в наш дом в Калифорнии, напоминая о далёких былых временах и сохраняя память о моих родителях.

Моя мама со своей подругой Леной греются на весеннем солнышке на берегу легендарной реки Амур.

Знаменитый портрет Натальи Николаевны Пушкиной работы Александра Брюллова.

Повторюсь, что я была названа моей мамой в честь Н. Н. Пушкиной. Нельзя не отметить отсутствие моего сходства со знаменитой тезкой.

Глава 2

Клан Шаскольских

Говоря о предвоенном периоде жизни нашей семьи нельзя не написать о родословной моего папы Дмитрия Владимировича Шаскольского и его двоюродной сестры Марианны Петровны Шаскольской. С Марианной Петровной (для меня – тётёй Майей) мои родители дружили всю жизнь, вплоть до ее кончины в 1983 году. Она была постоянным и желанным гостем в их доме, и с ней была тесно связана и значительная часть моей жизни.

Мои собственные сведения о прошлом семьи Шаскольских и их родословной, как и у большинства детей моего поколения, были очень скудными. Я знала только, что Шаскольские до революции владели сетью аптек в Санкт-Петербурге и что у отца моего папы Владимира Борисовича Шаскольского было два брата-близнеца: Петр Борисович и Павел Борисович. Марианна Петровна была дочерью Петра Борисовича, а Игорь Павлович Шаскольский (известный ленинградский историк) был сыном Павла Борисовича. Вскользь упоминалось также о родстве Марианны Петровны с Александром Брюлловым, архитектором и художником, старшим братом художника Карла Брюллова.

Только сейчас опять подумала, что мама меня назвала Натальей Николаевной, вспоминая жену А. С. Пушкина. Считается, что самый лучший портрет Натальи Николаевны Пушкиной был написан Александром Брюлловым. Но моя мама в то время, когда я родилась, ещё не знала, что её мужем и моим названным отцом (папой) будет Дмитрий Владимирович Шаскольский.

Мой папа всегда увлекался фотографией. Значительная часть представленных в этой книге фотографий сделаны им. К моему большому сожалению, только часть из них мне удалось сохранить при нашем переезде на другой конец нашей планеты. Важная часть фотографий, связанных с историей семьи Шаскольских, мне любезно была предоставлена Верой Эммануиловной Флор (Шаскольской), дочерью Марианны Петровны Шаскольской. Но и я, в свою очередь, посылала ей фотографии, сделанные моим папой Дмитрием Владимировичем Шаскольским, которых не было в ее архиве.

Я очень сожалею о том, что, фактически, подробности о родословной семьи Шаскольских узнала только в течение последних лет (с 2008 г.) по интернету. Родословная семьи Шаскольских сейчас подробно в нём представлена. Они это заслужили. Кроме того, своими знаниями о семье Шаскольских поделилась со мной Вера Эммануиловна, которую я знаю с самого её раннего детства и очень люблю и уважаю, в частности, за её совершенно выдающиеся способности. Ей есть в кого. Нельзя не отметить, что сейчас уже имеется созданная усилиями, главным образом, Бориса Королькова, очень подробная родословная семьи Шаскольских. Борис – родной внук старшего брата моего папы Бориса Владимировича Шаскольского. Когда я писала эту главу, такой подробной родословной, конечно, не было. Она появилась совсем недавно. Мои сведения почерпнуты из статей, выложенных на интернете.

Дед моего отца, Шаскольский Борис Матвеевич (1843–1910), родился в г. Россиены, сейчас г. Росейняй, Литва. В 1867 г., после окончания Военно-медицинской академии, получил диплом провизора и право постоянного жительства в Петербурге.

В 1870 г. он приобрел старейшую Петербургскую аптеку Самсоновскую на Выборгской стороне. После женитьбы в Риге на Евгении Михайловне Кальмеер и рождения детей принял лютеранство. В 1884 г. приобрел аптекарский магазин на Невском проспекте, 27, около Казанского собора и отделение в Кронштате. Созданный им Торговый дом был одним из крупнейших предприятий оптовой торговли аптекарскими товарами в Петербурге. В конце двадцатого века я видела на торцах двух ленинградских домов сохранившиеся старые вывески «Аптека Шаскольского». Кроме того, Торговый дом «Борис Шаскольский» с начала XX века занимался распространением по всей России знаменитой минеральной воды «Боржом».

Б. М. Шаскольский, как известный предприниматель, был приглашен великим князем Михаилом Николаевичем Романовым (кавказским наместником) для организации сбыта минеральной воды Боржоми. В результате активной деятельности Бориса Матвеевича экспорт Боржоми увеличился с двух миллионов бутылок в год до пяти миллионов.

На протяжении 30 лет Борис Матвеевич был членом Санкт-Петербургского фармацевтического общества и активно участвовал в его работе. В Российской государственной библиотеке (которая раньше называлась Ленинской библиотекой или просто Ленинкой) до сих пор хранится выпущенная в 1897 году брошюра, составителем которой был Б. М. Шаскольский (Способъ употребленія домашнихъ аптечекъ, составилъ Б. М. Шаскольскій, Типографія Шредера, Гороховая, 49 С. Петербург 1897). Такой домашней аптечке позавидовали бы, наверное, даже сейчас, и не только в России, но и в Америке. Борис Матвеевич как составитель этой брошюры предстает как очень образованный, предприимчивый, заботящийся о людях меценат.

После кончины Б. М. Шаскольского в 1910 году наследницей Торгового дома стала его жена Е. М. Шаскольская. Она учредила стипендии им. Б. М. Шаскольского. Но фактически возглавил фирму его сын Павел Борисович Шаскольский (1882–1942). Он закончил естественный факультет Петербургского университета и фармацевтический институт Марбургского университета в Германии, имел диплом провизора. Он был деятельным, успешным предпринимателем и разносторонне образованным человеком. Владел несколькими языками, глубоко знал историю, очень любил и специально изучал искусство, архитектуру. Участвовал в деятельности общества «Старый Петербург». С 1916 по 1921 г. был на военной службе.

После Октябрьской революции имущество Торгового дома было национализировано, торговля прекращена. Но как только, с началом Н. Па, появилась возможность, Павел Борисович вновь открыл аптекарский магазин на Невском. В 20-е годы аптека не приносила больших доходов, зато доставляла очень много хлопот и неприятностей. Но Павел Борисович не мог позволить себе закрыть дело. Он считал себя в долгу и перед семьей, и перед жителями города: ведь уже на протяжении многих лет для петербуржцев-ленинградцев было привычно обращаться в аптеку Шаскольского на Невском.

В 1929 г. частный аптекарский магазин был закрыт, и Павел Борисович вернулся к своей специальности химика-фармацевта. Павел Борисович понимал, что ему, с его прошлым, лучше держаться подальше от столиц, от Ленинграда. В 1930 г. он стал техническим руководителем иодного бюро на Мурмане (остров Кильдин). Там он работал до 1934 г., затем – на Чимкентском химфармзаводе. Последним местом его работы стал завод Фармакон в Ленинграде. Как многие тысячи ленинградцев, он погиб блокадной зимой 1942 г.

О. Павле Борисовиче Шаскольском прекрасный доклад сделала его внучка Татьяна Игоревна Шаскольская на международной конференции «Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней», посвященной 90-летию со дня рождения её отца Игоря Павловича Шаскольского. Публикация материалов конференции 2009 года.

Брат-близнец Павла Борисовича Петр Борисович Шаскольский (1982–1918) закончил историко-философский факультет Петербургского университета, где специализировался по истории средневековой Италии. С 1907 по 1913 выезжал за границу.

В 1909 г. в Штутгарде Пётр Борисович женился на Надежде Владимировне Брюлловой (1889–1937). Она была внучкой художника и знаменитого архитектора Александра Брюллова и внучатой племянницей его младшего брата художника Карла Брюллова.

А. Брюллов был архитектором Его Величества, членом Королевского института архитекторов в Англии и членом академий художеств в Париже, Милане и Петербурге. Прекрасная подборка об Александре Брюллове существует в интернете, не говоря уже о многочисленных других источниках, описывающих его необъятную творческую деятельность. Отцом Надежды Владимировны был сын А. Брюллова Владимир Александрович Брюллов (1844–1919) – делопроизводитель и управляющий делами Русского музея.

С 1911 года Петр Борисович Шаскольский стал постоянным сотрудником энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. В 1914 г. Пётр Борисович Шаскольский с супругой вернулись в Россию и занялись активной политической деятельностью. На Учредительном съезде Трудовой народно-социалистической партии Петр Борисович был избран членом ЦК, выступил с докладом по национальному вопросу. После февральской революции 1917 года он был приглашен в состав Временного правительства в качестве заведующего национальным отделом Министерства внутренних дел. Осенью 1917 г. перешел в партию эсеров. После октября 1917 г. – член Всероссийского Комитета спасения Родины и Революции. После начала Красного террора перешел на нелегальное положение. Умер скоропостижно от испанки, прохворав всего три дня.

В браке с Н. В. Брюлловой-Шаскольской Петр Борисович имел троих детей: Марианну (1913–1983), Тамару (1916–2009) и Валерия (1910–1948), которых я знала и буду упоминать по мере повествования.

Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская была активным и видным деятелем партии эсеров. Член партии социалистов-революционеров (ПСР) с 1910 г. В 1908 г. она окончила историко-филологическое отделение высших (Бестужевских) курсов, специализировалась по истории религии. В 1916 г. поддерживала связи с А. Ф. Керенским. В 1917 г. представляла ПСР в бюро национально-социалистических партий. На первом заседании третьего партийного съезда ПСР в 1917 г. сделала основной доклад по национальному вопросу. В ноябре 1917 г. была избрана председателем петроградского губернского комитета ПСР. Осенью 1918 г. вместе с детьми выехала на Украину. В 1919–1920 гг. она – экстраординарный профессор по кафедре истории религии Харьковского университета. Арестована в июле 1922 г. и сослана в Среднюю Азию. Там она занималась научной и музейной работой, литературной деятельностью. Вторично арестована в 1923 году. В 1929 году она вернулась из ссылки в Ленинград, а в феврале 1933 г. была вновь арестована по делу народнического фронта со ссылкой на три года в Ташкент. Все годы ссылки её сопровождал сын Валерий. В апреле 1937 г. снова арестована и приговорена к расстрелу. Реабилитирована посмертно. О Надежде Владимировне есть очень хорошая и подробная статья Я. В. Леонтьева в книге: «Политические деятели России 1917 г., биографический словарь», Москва. 1993.

Материалы этой статьи я, в основном, и использовала. Кроме того, уже после написания первого варианта моих воспоминаний, вышел сборник воспоминаний «Марианна Петровна Шаскольская в кругу коллег, родных и друзей», Москва, М. СиС, 2013. Его публикация была приурочена к международному симпозиуму «Физика кристаллов 2013», посвященному 100-летию со дня рождения профессора М. П. Шаскольской. Я начала писать свои воспоминания ещё до выхода этого сборника из печати. В нём опубликована прекрасная статья внучки Надежды Владимировны Семёновой-Флор, В. Э. (Шаскольской) и дочери М. П. Шаскольской «О родителях моей мамы» стр. 131–162. Если найдёте этот сборник, прочитайте, не пожалеете. В нём есть и моя короткая глава: Н. Д. Ломовская «В семье Шаскольских», стр. 163–181. Когда этот сборник перед началом заседаний симпозиума раздали его участникам, то не повезло докладчикам, выступавшим на первом заседании симпозиума. Догадайтесь почему!

В интернете сейчас можно найти очень много ссылок на книги и статьи Надежды Владимировны Брюлловой-Шаскольской. Есть ссылки и на работы Петра Борисовича Шаскольского. Хорошие гены передали своим детям, внукам и правнукам родители Марианны Петровны, так преждевременно и насильственно ушедшие из жизни в кровавом 20-м веке!

Четвертый, младший сын Бориса Матвеевича и Евгении Михайловны Шаскольских, Михаил Борисович был участником первой мировой войны. В 1915 году был офицером при штабе генерала Брусилова на Карпатском фронте. После революции они с женой Ниной покинули Россию через Константинополь и в 1920 году поселились в Берлине, детей у них не было. В 1927 году они переехали в Париж, где в это время жила семья сестры Нины Мария с мужем

и сыном Борисом. Бориса в 1997 году и разыскала дочь Марианны Петровны Шаскольской Вера Эммануиловна Флюр (в девичестве Шаскольская), которая с 90-х годов прошлого века живет с мужем Христианом Флюр в Париже. Её общение с Борисом в 1997 году ограничилось телефонным разговором, так как он уже тогда был очень пожилым человеком. Он рассказал, что Михаил Борисович жил в Париже трудно, несмотря на то, что был очень образованным человеком, свободно владел немецким, английским и французским языками. Занимался распространением и продажей книг. Его жена Нина в 40-х годах скончалась от туберкулеза, а сам он скончался в 1973 году. Всю жизнь дружил со своим племянником Борисом, а с московскими родственниками никогда не пытался связываться. Один раз только упомянул, что в Москве у него тоже есть племянник Борис. Михаил Борисович очень тосковал по России и до 1927 года надеялся на перемены. У Бориса не оказалось ни одной фотографии Михаила Борисовича. Во время, когда писалась эта глава воспоминаний, Вера считала, что Борис ещё был жив, так как на семейном участке кладбища не было свежих могил.

Владимир Борисович Шаскольский (1882–1952), старший сын Бориса Матвеевича и Евгении Михайловны Шаскольских, в 1899 году окончил Горный институт в Санкт-Петербурге. После окончания института учился в Дармштадском политехникуме (Дармштадт, Германия).

В 1906 году он женился на Марии Николаевне Глазыриной родом из г. Яранска Вятской губернии. Мария Николаевна в молодости окончила Бестужевские курсы, во время Русско-японской войны 1904–1905 годов и в поздние годы работала медсестрой в госпиталях как представитель общества «Красного Креста». Мой папа хранил фотографии этого периода её жизни. Часть из них сохранилась и до наших дней.

Владимир Борисович в 1910 году состоял при Главном горном управлении с откомандированием в распоряжение Технической конторы «Сан-Галли» в Санкт-Петербурге. Интересно, что эта информация, взятая из интернета, практически слово в слово повторяет текст, написанный самим Владимиром Борисовичем в своей краткой служебной автобиографии, можете в этом убедиться. В дальнейшем переехал с семьей в Москву (адрес в Москве – Мильников пер., д. 9). С 1913 года служил в Технической конторе «Сан-Галли» в Москве в должности младшего инженера; с 1914 года – заведующий технической частью элеваторного отдела, занимавшегося проектированием элеваторов и конвейеров (в том числе, крупнейшего Самарского элеватора) в товариществе «Антонъ Эрлангеръ и К^о». После революции 1917 года работал в элеваторном отделе Комитета по государственным сооружениям (Комгосор) с 1918 по 1922 год; с 1923 года – главный инженер Мельстроя, занимался разработкой и эксплуатацией элеваторов и промышленных конвейерных систем различного назначения.

Горный инженер В. Б. Шаскольский

В 1929–1933 годах работал в Техничко-консультационном бюро ТрансТехпрома; составил первый альбом конструкций подъемно-транспортных средств.

В 1933–1935 годах был мобилизован в Главное управление металлургической промышленности (ГУМП), где занимался механизацией трудоемких процессов на металлургических заводах Урала и Сибири. С 1940 года – старший научный сотрудник Отдела технической информации и обмена опытом ВНИИ подъемно-транспортного машиностроения в Москве. Скончался Владимир Борисович Шаскольский в 1952 году в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Вот как сам Владимир Борисович кратко описал свою автобиографию, наверное, при заполнении какой-нибудь анкеты или заявления.

Шибере 8 марта 1900г.
Родился я, 10 февр. 1882г.

Владимир Борисович (Вальтер Бернгардович) Шаскольский родился 10 февраля (по старому стилю) 1882 года в семье фармацевта Бориса (Бернгарда) Матвеевича Шаскольского.

Мать – Евгения Михайловна Шаскольская (ур. Кальмейер). Вероисповедание – лютеранин (был прихожанином лютеранской Анненкирхе в СПб). Вместе со своими младшими братьями Петром и Павлом Шаскольскими учился в Петришуле с 1892 года. Окончил реальное отделение школы в 1899 году и поступил в Горный институт в Петербурге. С 1900 по 1907 год учился в Горном институте. Женился 10 февраля 1906 года на Марии Николаевне Глазыриной, родом из г. Яранска Вятской губ. После окончания института учился в Дармштадском политехникуме (Дармштадт, Германия). В 1910 году состоял при Главном горном управлении с откомандированием в распоряжение Технической конторы «Сан-Галли» в Санкт-Петербурге. В дальнейшем переехал с семьей в Москву (адрес в Москве: Мыльников пер., д. 9). С 1913 года служил в Технической конторе «Сан-Гали» в Москве в должности младшего инженера; С 1914 года – заведующий технической частью элеваторного отдела, занимавшегося проектированием элеваторов и конвейеров (в том числе крупнейшего Самарского элеватора) в товариществе «Антонь Эрлангеръ и К°».

После революции 1917 года работал в элеваторном отделе Комитета по государственным сооружениям (Комгосор) с 1918 по 1922 год; с 1923 года – главный инженер Мельстроля, занимался разработкой и эксплуатацией элеваторов и промышленных конвейерных систем различного назначения. В 1929–1933 годах работал в Техничко-консультационном бюро ТрансТехпрома; составил первый альбом конструкций подъемно-транспортных средств. В 1933–1935 годах был мобилизован в Главное управление металлургической промышленности (ГУМП), где занимался механизацией трудоемких процессов на металлургических заводах Урала и Сибири. С 1940 года – старший научный сотрудник Отдела технической информации и обмена опытом ВНИИ подъемно-транспортного машиностроения в Москве.

Сыновья: Борис, Дмитрий, Виктор, Глеб, Николай.

Короградъ 11о іюня 1916г.
48

Въ Императорское Орденомъ
Горнаго Декардуваца
Горнаго Иконокаръ
Владимира Горисовата Шаскольскаго
Заявienie

Симъ Заявляю, что въ первомъ
Законномъ бракѣ съ Маріей Николаевной
ураженною Глазирной, рожденною
24го декабря 1882 года, православною
вероисповѣданіемъ и векушимъ 31о февраля
1906 года, документа обязуемъ представить

В семье родилось пятеро сыновей: Борис Владимирович Шаскольский (1907–1977), Дмитрий Владимирович Шаскольский, мой папа (1908–1990), Виктор Владимирович Шаскольский рожд. 1910 г., пропал без вести на войне, Глеб Владимирович Шаскольский (1913–1989) и Николай Владимирович Шаскольский (1922–1993). Мария Николаевна мечтала родить девочку, но природа не позволила. Она одевала младших сыновей в раннем детстве как девочек. Сохранилась одна фотография моего папы Дмитрия Владимировича в подростковом возрасте с бабушкой Евгенией Михайловной Шаскольской, а также фотография Владимира Борисовича Шаскольского и Марии Николаевны Шаскольской с их первенцем Борисом и её родителями, сделанная в городе Яранске, Вятской губернии 28 августа 1907 года. Кроме того, есть несколько фотографий Марии Николаевны, когда она была студенткой Бестужевских кур-

сов и медицинской сестрой в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. Природа отыгралась на братьях Шаскольских: у них рождались только девочки.

У Владимира Борисовича были очень теплые, близкие и доверительные отношения с Марианной Петровной, его племянницей.

У моего папы сохранился сделанный им снимок совсем молодой Майи, на обороте которого его рукой написано: 1936. Именно в этом году в издательстве Детской литературы была подготовлена к печати первая книга Марианны Петровны Шаскольской «Кристаллы». Ей тогда было 23 года. Книгой «Кристаллы» и сейчас многие зачитываются.

Помню, как в самом конце жизни Владимира Борисовича я как-то зимой навестила его в подмосковном санатории. Он подарил мне незабываемую прогулку в санях, запряженных лошадьми. Раньше я никогда не ездила на таком виде транспорта, хотя всегда об этом мечтала. Для меня, городской девушки, влюбленной в подмосковную природу, это был дорогой подарок. По-моему, Владимир Борисович тоже был рад моему приезду. Больше я его не видела. 10 февраля 2017 года ещё раз просматривала текст этой главы. Именно сегодня исполнилось 135 лет со дня его рождения! Кто же об этом сегодня вспомнит?

Борис Матвеевич Шаскольский с женой Евгенией Михайловной и сыновьями (слева направо) Владимиром, Михаилом, Павлом и Петром на даче в Выборге.³

³ Большое спасибо Татьяне Игоревне Шаскольской, которая предоставила эту фотографию для публикации.

Брошюра, составителем которой был Б. М. Шаскольский, выпущенная в 1897 году, была обнаружена Верой Флюр (Шаскольской) в Российской государственной библиотеке (которая раньше называлась Ленинской библиотекой, или просто Ленинкой).

Санкт-Петербург, Невский проспект, 78. Ученицы Бесстужеских курсов с профессором Фауссенем, 1904 г. М. Н. Шаскольская, мать моего папы Д. В. Шаскольского – крайняя справа.

Мария Николаевна Шаскольская – медсестра в лазарете, представитель общества «Красного креста». Подпись на обороте с твердым знаком: 21 ноября 1914 года. Лазарет квартиро-нанимателей дома (неразб.) в Москве. Слева направо: Юлия Фёдоровна Бреннер, прапорщик Давыдов, Татьяна Павловна Белоруссова, врач Григорий Васильевич Макаренко, медсестра М. Н. Шаскольская, врач Александр Петрович Боголюбов, Надежда Филимоновна Леоненко.

Чета Владимира Борисовича Шаскольского и Марии Николаевны Шаскольской со своим первенцем Борисом во время визита к родителям М. Н. Шаскольской, стоят крайние справа. Сидят рядом с ними, повидимому, дедушка и бабушка с первенцем в руках. Думаю, что слева сестра и брат Марии Николаевны. Крайний слева сидит на стуле полноценный член семьи. На обороте фотографии надпись: «Снимались в городе Яранске, Вятской губернии 28 августа 1907 года» (ровно за 28 лет до рождения автора этих воспоминаний, Н. Л.)

Братья Борис и Дмитрий Шаскольские, сыновья Марии Николаевны и Владимира Борисовича Шаскольских.

Братья Шаскольские Борис, Дмитрий и Виктор, сыновья Марии Николаевны и Владимира Борисовича Шаскольских. Виктор снят в наряде девочки, о рождении которой так мечтала Мария Николаевна. Внизу печать придворного фотографа. Предположительно, начало 10-х годов 20-го века.

А вот и обратная сторона двух фотографий, на которых сняты двое (Борис и Дмитрий) и трое (Борис, Дмитрий и Виктор) братьев Шаскольских.

Супруги Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская и Петр Борисович Шаскольский с детьми Марианной и Валерием (предположительно, 1913 год). Какая любовь к семье светится в глазах Петра Борисовича! А ведь жизнь его оборвется, когда трое его детей будут совсем ещё маленькими (фото из Интернета).

Середина двадцатых. Сидят Мария Николаевна Шаскольская с младшим сыном Николаем, Владимир Борисович Шаскольский и Виктор. Стоят Дмитрий, Борис и Глеб Шаскольские. Ну-ка, попробуйте вырастить в пред- и послереволюционные годы пятерых сыновей! Мой (Н. Л.) папа Дмитрий Владимирович обмолвился, что в эти годы среди братьев была установлена строгая очередность, кому подбирать со сковородки кусочком хлеба остатки масла.

Евгения Михайловна Шаскольская со своим внуком Димой, моим (Н. Л.) папой.
Клязьма, 1924 г.

Представляется, что фото сделано в самом конце двадцатых годов 20 века. Мария Николаевна и Владимир Борисович Шаскольские с сыновьями. Все братья Шаскольские, кроме младшего Николая, уже совсем взрослые. Слева направо: Виктор, Мария Николаевна, Глеб, Николай, Борис, Владимир Борисович и Дмитрий.

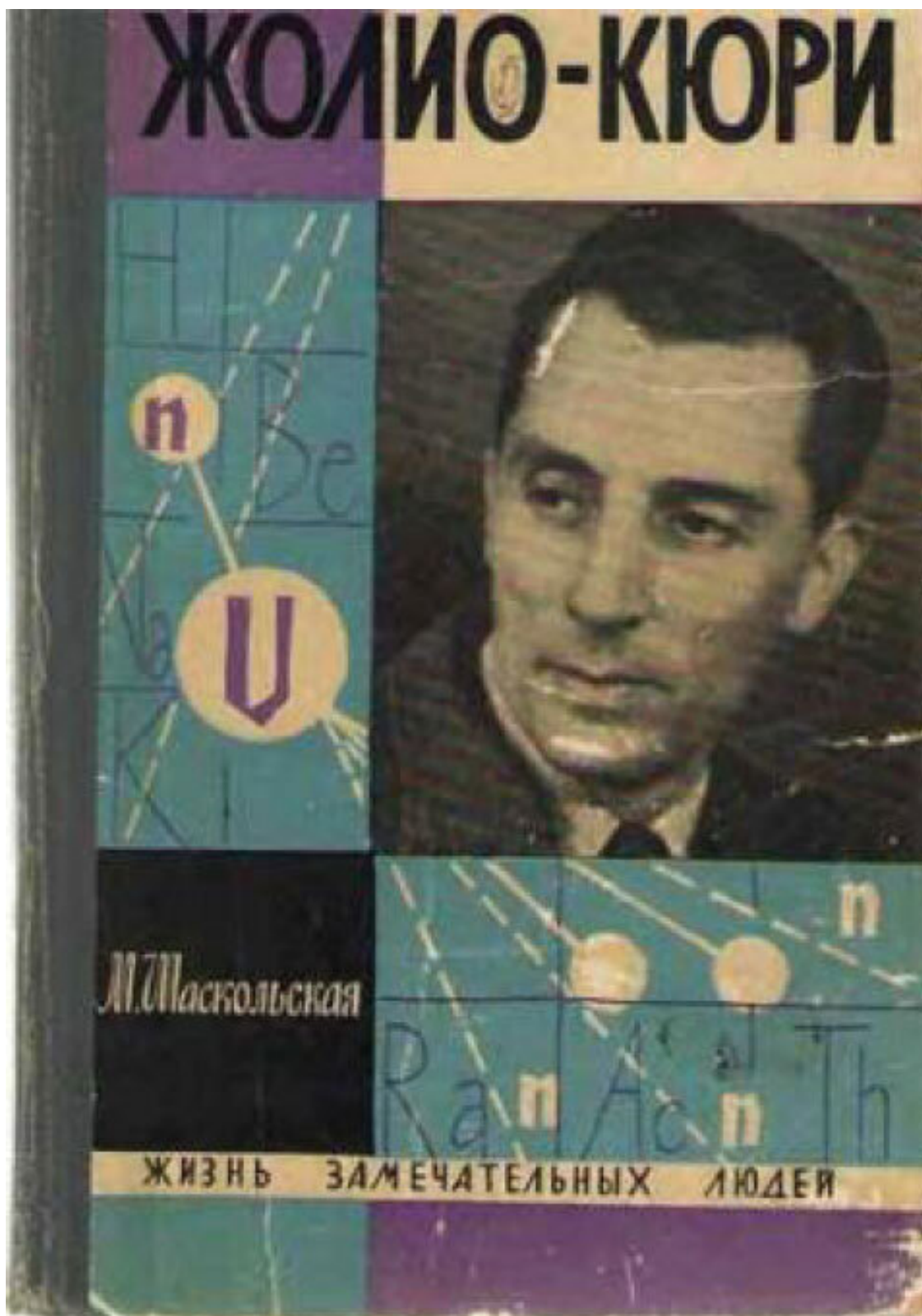
Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская. Внучка А. П. Брюллова и дочка Владимира Александровича Брюллова (1844–1910), художника и управляющего делами Русского музея.

Марианна Петровна Шаскольская, 1936 год. (Фото Д. В. Шаскольского, моего папы.)

Александр Павлович Брюллов (1798–1877), автопортрет.

Книга М. П. Шаскольской «Жолио Кюри», выпущенная в серии «Жизнь замечательных людей».

Глава 3

Мои родители и их научное окружение

После возвращения из Хабаровска в 1935 году моя мама Эмма Григорьевна Ломовская поступает в аспирантуру Института Экспериментального Морфогенеза Наркомроса (институт существовал с 1931 по 1941 годы). Руководил лабораторией в этом институте профессор Леонид Яковлевич Бляхер (1900–1987) – выдающийся биолог и историк биологии. В 1920 г. семья Леонида Яковлевича Бляхера переехала в Москву, и Леонид Яковлевич поступил на медицинский факультет 2-го МГУ. Будучи студентом медицинского факультета, он прошел биологический практикум на естественном отделении физико-математического факультета 2-го МГУ под руководством М. М. Завадовского (1891–1957). Тогда же Л. Я. Бляхер посещал организованный М. М. Завадовским кружок биологов в Московском зоопарке, сыгравший огромную роль в создании московской школы биологов-экспериментаторов. С 1933 по 1948 годы он был заведующим кафедрой общей биологии 2-ого Московского медицинского института. В 1935 г. стал доктором биологических наук и профессором, был женат на Марии Александровне Воронцовой (1902–1956). В 1945 г. он возглавил также лабораторию теоретической биологии Института экспериментальной биологии АМН СССР. В 1937 г. увидел свет его учебник «Курс общей биологии с зоологией и паразитологией», по которому изучали биологию студенты всех медицинских вузов страны. Учебник за 7 лет переиздавался 4 раза. В 1945 г. он также возглавил лабораторию теоретической биологии Института экспериментальной биологии АМН СССР. Успешная научно-исследовательская и научно-педагогическая деятельность Леонида Яковлевича продолжалась до 1948 г. – до мрачной августовской сессии ВАСХНИЛ, которая явилась крутым поворотом в научной судьбе ученого: он лишился кафедры и лаборатории и до 1955 г. был безработным. В мае 1955 г. Л. Я. Бляхер был принят на должность старшего научного сотрудника института истории естествознания и техники АН СССР. С 4 апреля 1956 г. по 10 декабря 1975 г. – в течение 20 лет – Леонид Яковлевич руководил в Институте сектором истории биологических наук. Именно в эти годы в нашей стране сложилась школа историков биологии, а сектор стал средоточием историко-биологических исследований. Л. Я. Бляхер оставил руководство сектором в возрасте 75 лет, но еще продолжал работать в институте до 1985 г. (Эти сведения взяты из статьи Н. А. Григорьян и Е. Б. Музруковой: «Профессор Леонид Яковлевич Бляхер», опубликованной в трудах института ИИЕТ в разделе «40 лет институту истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН».)

Руководителем диссертационной работы моей мамы Э. Г. Ломовской была профессор Мария Александровна Воронцова (1902–1956) – выдающийся ученый в области физиологической регенерации, автор многочисленных трудов и монографий. В этот же период времени в лаборатории работал и Лев Давидович Леознер (1909–1979) – крупный специалист в области восстановления органов и тканей у животных и человека. В 1941 году М. А. Воронцова стала его женой на долгие годы. Труды этих выдающихся биологов были у нас в домашней библиотеке.

Несколько слов о Кропотовской биостанции, на которой работала моя мама в летние месяцы в середине и в конце 30-х годов с маленькой дочкой на руках.

Станция была организована в 1927 году в районе г. Каширы по инициативе кафедры общей биологии второго МГУ. С 1932 по 1937 год биостанция принадлежала Институту экспериментального морфогенеза. Вся лаборатория Л. Я. Бляхера на летние месяцы выезжала работать в Кропотово.

На этой же биостанции работали и сотрудники кольцовского Института экспериментальной биологии (ИЭБ), сам Н. К. Кольцов (1872–1940), Б. Л. Астауров (1904–1974), Н. П. Дубинин (1906–1998), В. В. Сахаров (1902–1969), Б. Н. Сидоров (1908–1980), Н. Н. Соколов, Д.

В. Шаскольский, мой будущий папа, и многие другие. В. Кропотове и начался мамин роман с моим будущим папой. В то время мама ещё очень сильно переживала разрыв со своим первым мужем Николаем Ивановичем Рябовым. Папа относился к этому с большой деликатностью. Его утешения окончились нежной дружбой и последующей совместной жизнью в течение почти полувека.

Вспоминали, как я созывала всех играть в волейбол: «ребята, пелибоф!» Да, ещё дразнили: «а Наташа хрюкать не умеет!» А я, обижаясь, опровергала это заявление громким хрюканьем.

По рассказам, на биостанции работала Вера Михайловна Шель (Вермишель). Вот уж все потешались! Еще составляли фразу из трех фамилий сотрудников биостанции: «Не надо нам Всяких Дрянных Сундуков!» Сегодня (на дворе 2017 год), 21 февраля – день рождения моей мамы Э. Г. Ломовской, о котором мы с моей дочкой Олей каждый год вспоминаем. Кто же ещё теперь об этом вспомнит? Хотя есть ещё люди, которые помнят мою маму. Исполнилось 117 лет со дня её рождения и более 30 лет со дня её кончины в 1985 году. И вдруг из моей детской памяти возникла песенка-частушка, которую со смехом пели в Кропотово. Частушки, как правило, не имеют конца. Но вот несколько куплетов из этой кропотовской частушки, которые вдруг неожиданно сейчас (2017 год) возникли в моей памяти:

Не форси, форсун форсистый,
Я тобой не дорожу.
Я такими ухажорами
Заборы горожу.

Припев:

В лесу, говорят, в бору, говорят,
Росла, говорят, сосёночка,
Понравилась молодцу задорная девчёночка.

Припев:

Мы на лодочке катались
Золотистой, золотой,
Не гребли, а целовались,
Не качай, брат, головой.

Припев:

Ленты банты, ленты банты
Ленты в узел вяжутся,
А мой милый, ненаглядный
Диколоном мажется.

Это пелось наряду с серьёзными научными занятиями. Все же были ещё такими молодыми!

Моя мама Э. Г. Ломовская в это время, как уже упоминалось, – аспирантка лаборатории Л. Я. Бляхера. Тема её диссертации была связана с гистологическим изучением процессов физиологической регенерации у аксолотлей. В конце тридцатых годов моя мама защитила кандидатскую диссертацию и приняла приглашение молодого заведующего кафедрой гистологии Семёна Яковлевича Залкина преподавать гистологию на этой кафедре в Военно-ветеринарной академии Красной Армии. У нас дома в ванной после войны вольготно жили аксолотли, хорошая модель для изучения регенерации тканей и на кафедре гистологии. Все девочки из

нашего класса по очереди ходили на них смотреть. Своей работой на кафедре гистологии моя мама была очень довольна и проработала там долгие годы опять же до пресловутого 1948 года. Студенты Академии отзывались о ней с большим почтением и побаивались. К каждой лекции она имела только конспект. У неё, совсем ещё молодой женщины, не достигшей и 30 лет, уже был очень большой опыт преподавания. В первой половине 1930-х годов, как уже упоминалось, она преподавала в только что организованном на Дальнем Востоке Хабаровском педагогическом институте.

По совпадению или не случайно в том же 1948 году, перевернувшем судьбы учёных всех биологических дисциплин Советского Союза, Военно-ветеринарная академия была полностью реорганизована. Моя мама, Э. Г. Ломовская, была уволена из Академии по сокращению штатов, да и сама кафедра гистологии была ликвидирована. Мама мечтала поступить на работу на кафедру цитологии и гистологии биологического факультета МГУ, где заведующим этой кафедрой был Г. И. Роскин (1902–1964). Однако сам Г. И. Роскин и его жена Н. Г. Ключева (1899–1971) в это время подверглись страшному остракизму и были судимы Судом Чести, якобы за оглашение своего замечательного открытия – демонстрации противоопухолевой активности вещества круцина, за рубежом.

Позднее моя мама пыталась устроиться на работу в лабораторию роста и развития, которой заведовала М. А. Воронцова, руководитель её кандидатской диссертации, в Институт экспериментальной биологии АМН СССР. Свободные ставки в лаборатории как появлялись, так и быстро исчезали. Поэтому все усилия моей мамы оказались напрасными и она попала в самое пекло. Но это уже другая очень грустная история. Она – в этой книге моих мемуаров.

А вот и приятное воспоминание о Семёне Яковлевиче Залкинде из большой и интересной статьи Л. И. Лебедевой и И. К. Захарова, посвященной столетию со дня рождения Юлия Яковлевича Керкиса, крупного классического генетика.

«К концу близился 1958 год. Я (Л. И. Лебедева) устраивалась на работу в Институт цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР. Это происходило в Москве, в лаборатории Н. П. Дубинина.

– Вы будете работать у Юлия Яковлевича Керкиса. Вам знакомо это имя? – спросил меня первый директор-организатор института Николай Петрович Дубинин.

– Нет, – простодушно ответила я. Он рассмеялся.

– Приходите завтра в это время. Я познакомлю Вас с ним. Вечером я позвонила известному гистологу профессору С. Я. Залкинду (это он рекомендовал меня Н. П. Дубинину).

– Семен Яковлевич, Вы знаете, кто такой Керкис?

– Да. Это известный генетик.

– Чем он известен?

– Прежде всего, своей преданностью классической генетике, своим отказом «ольсенковиться».

– Он молодой, старый? Что Вы можете сказать о его человеческих качествах?

– Это молодой, красивый мужчина. Но, – смеется Семен Яковлевич, – он женат. И не на простой прихожанке, а на «столбовой дворянке», дочери академика А. А. Заварзина. Я надеюсь, Вам известна эта фамилия!

– Да. Гистологию мы учили по его учебнику.

Семен Яковлевич минуту помолчал, потом, смеясь, добавил:

– Юлий Яковлевич из тех, кому палец в рот не клади – откусит. Задиристый, но, безусловно, глубоко порядочный, интеллигентный человек.

Вам повезло, Вы будете работать под началом известного генетика, ученика выдающихся ученых мирового масштаба. Желаю Вам успеха!»

Неожиданное продолжение рассказа С. Я. Залкинда. Леонид Максович Фонштейн, мой муж, с пятого по десятый класс учился вместе с Г. А. Заварзиным. В моей книге «Биолог Леонид Фонштейн» есть фотография учеников 9 или десятого класса, где будущий выдающийся микробиолог, академик РАН. Георгий (в классе именовался Егором) Александрович Заварзин (1933–2011) сидит крайний слева во втором ряду. Леонид Максович (Лёня), который для всех его одноклассников был, конечно, просто «Фоном», сидит в первом ряду (второй слева) между своими друзьями, с которыми он дружил в течение всей своей жизни: Феликсом Викентьевичем Янишевским (в классе просто «Нос») и Виктором Узовичем Рошалём (по прозвищу «умный Рошаль»). Четвертый неразлучный друг первых трех Юрий Таричанович Дьяков (прозвище, конечно, «Дьяк», но были и другие, например, «Идеал») стоит крайним слева в верхнем ряду. До последнего года в течение нескольких десятилетий он был заведующим кафедрой на биологическом факультете МГУ, куда его в своё время не приняли в качестве студента. В книге также дано описание выдающегося советского агрохимика Ф. В. Янишевского.

Семён Яковлевич Залкинд в беседе с Л. И. Лебедевой обмолвился, что Юлий Яковлевич Керкис, насколько я поняла, был женат на дочери знаменитого академика Александра Алексеевича Заварзина. Думаю, что приходится признать, что жена Ю. Я. Керкиса находилась в близком родстве с Георгием Александровичем Заварзиным, многолетним одноклассником Лёни Фонштейна. Лёня бывал в гостях у Егора в его академической квартире и рассказывал мне об этом. Но у меня эти его рассказы стерлись из памяти. Тесен был мир внутри Садового кольца в славном городе Москве. Вот такие пироги с котятками!

Теперь довольно скудные сведения о начале научной карьеры моего папы, Шаскольского, Д. В. После окончания высшего учебного заведения (скорее всего, биологического отделения физико-математического факультета МГУ), судя по чудом сохранившейся у меня его трудовой книжке, с 1929 по 1939 год он работал в кольцовском Институте экспериментальной биологии АН СССР (ИЭБ). На одном из современных сайтов в трудах лаборатории сравнительной генетики животных Института общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН я нашла упоминание о папиной работе 1930 года. В нем говорится об улучшении местной породы кур в Кировской области с помощью знаменитой юрловской породы. Цитирую: «Первое обследование метисов было проведено в 1930 г. генетиком Д. В. Шаскольским (1908–1990), бывшим сотрудником И. Ген. Деятельное участие в этой работе принимал также А. С. Серебровский. В результате было установлено, что юрловские петухи улучшили показатели местных кур. Так, живая масса помесей увеличилась: кур – на 7,8 %, петухов – на 15,8 %, промеры тела – на 1,6–9,9 %.

Во второй половине 1930-х Дмитрий Владимирович защитил кандидатскую диссертацию и опубликовал в немецком журнале статью по генетике пчелы, которой очень гордился. В 1937 г. стал старшим научным сотрудником. В 1939 и 1940 гг. был приглашён заведовать кафедрой Киргизского Гос. мединститута в г. Фрунзе. На современном сайте Кыргызской Государственной медицинской академии упоминается, что организатором и первым заведующим кафедры, называемой сейчас кафедрой медицинской биологии, генетики и паразитологии был доцент Д. В. Шаскольский.

В. В. Бабков (1946–2006) упоминает моего папу в своей замечательной книге «Московская школа эволюционной генетики», которая многократно цитируется его российскими коллегами и историками биологии. Д. В. Шаскольский входил в эволюционную бригаду (впоследствии лабораторию) ИЭБ под руководством Д. Д. Ромашова, работающую в области эволюционной генетики. В книге помещена фотография, подпись под которой гласит: «Эволюционная бригада ИЭБ, ок. 1934 г. А. А. Малиновский, Д. В. Шаскольский, Д. Д. Ромашов».

Дмитрия Дмитриевича Ромашова (1899–1963), выдающегося популяционного генетика и папиного друга, я в последний раз запомнила по поездке к нам домой в одном троллейбусе.

Это было сразу после войны между двумя его арестами. Мама пишет в письме папе в Германию (он после войны выпускал в Лейпциге Атлас «Промысловые рыбы СССР»), что Митрич опять уехал. С его женой Ксенией Алексеевной Головинской мои родители дружили всю жизнь. А. А. (Кот) Малиновский (1999–1997), крупный популяционный генетик жил, кажется, как и мы, на Малой Бронной и встречался с папой.

Главным направлением работы лаборатории, руководимой Д. Д. Ромашовым, было исследование мутационного груза в популяциях разных видов *Drosophila*, продолжающее работы лаборатории Сергея Сергеевича Четверикова, начатые в начале 1920-х годов.

Здесь просто невозможно не отвлечься и не описать хотя бы очень коротко историю возникновения в Советской России исследований по генетике и, в частности, пионерских исследований по популяционной генетике. В этом кратком изложении я использовала, главным образом, материалы воспоминаний Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского (1900–1981), статью Николая Васильевича Глотова (1939–2016): «Сергей Сергеевич Четвериков, ученый и учитель», книгу Василия Васильевича Бабкова (1946–2006) «Московская школа эволюционной генетики» и другие многочисленные материалы, которые можно найти в интернете. Сейчас, когда я возвращаюсь к написанию своих воспоминаний после продолжительного перерыва, я хочу извиниться перед авторами, описывающими факты биографии С. С. Четверикова (1880–1959), которых я не упомянула раньше, а теперь уже не могу их найти в интернете. Продолжаю написанный ранее текст. Читать это все было настолько интересно, что я разрывалась между этим чтением и необходимостью все-таки продолжать что-то писать. Поэтому приходится сейчас выступать в роли айсберга, описывая здесь только верхушечку прочитанного.

В результате Октябрьской революции и гражданской войны связь русской науки, включая биологию, с мировой наукой была прервана. Русские ученые-биологи совершенно не были осведомлены об успехах зарубежных генетиков при изучении генетики плодовой мушки дрозофилы, позволившие открыть структурные основы наследственности. Немаловажным для начала генетических исследований в России был приезд в Москву в 1922 году уже тогда известного американского генетика Г. Мюллера (1890–1967), позднее ставшего Нобелевским лауреатом. Он привез с собой генетически маркированные линии дрозофилы и знаменитую книгу Т. Моргана, которая так и называлась «Структурные основы наследственности». В ИЭБ был организован генетический практикум по дрозофиле. Усилиями Н. К. Кольцова в институт стали поступать из-за рубежа научные журналы и была организована первая в стране лаборатория по генетике. Ее возглавил выдающийся ученый, человек энциклопедических знаний и кругозора Сергей Сергеевич Четвериков, уже тогда очень известный зоолог. С. С. Четвериков также организовал семинар по быстрому освоению достижений генетики. Все сотрудники лаборатории генетики были зоологами, прекрасно знающими объекты своих исследований и учениками С. С. Четверикова.

В течение непродолжительного времени было создано совершенно оригинальное направление генетических исследований – синтеза экспериментальной генетики с классическим дарвинизмом. Главная заслуга в этом принадлежала С. С. Четверикову. В 1926 г. была опубликована знаменитая статья С. С. Четверикова «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики», которая сразу отвела ему роль создателя нового направления в биологии и сделала его основоположником эволюционной генетики. В этой статье был указан путь экспериментальной проверки, предсказанной С. С. Четвериковым гетерогенности природных популяций. Не могу не назвать имена сотрудников лаборатории генетики, которые предоставили экспериментальные доказательства гетерогенности природных популяций, развивали идеи С. С. Четверикова и большинство из них стали выдающимися генетиками, внесшими неоценимый вклад в развитие генетических исследований.

Вот эти имена: Д. Д. Ромашов, Е. И. Балкашина, Б. Л. Астауров, Н. К. Беляев, Н. В. и Е. А. Тимофеевы-Ресовские, А. Н. Промптов, П. Ф. Рокитский, С. М. Гершензон, В. П. Эфро-

имсон, С. Р. Царапкин, А. И. Четверикова, Д. В. Шаскольский (последний по собственному признанию С. С. Четверикова). Среди учеников и последователей С. С. Четверикова также знаменитые имена Н. П. Дубинина, Ф. Г. Добжанского и многих других (как же часто в поисках интересующих меня фамилий они оказываются в этой последней категории).

Блестящая карьера С. С. Четверикова прерывается его арестом в 1929 году, многолетней ссылкой и невозможностью возвратиться в Москву или в Ленинград, российские научные мекки тех и последующих времен. Аресты и ссылки не миновали и других сотрудников лаборатории и института ИЭБ. Дважды были арестованы и провели годы в сталинских лагерях Д. Д. Ромашов и В. П. Эфроимсон (1908–1989). В 1935 году сослали в Чимкент Е. И. Балкашину, навсегда прервав её карьеру генетика. Арестован и расстрелян в 1937 году Н. К. Беляев. В. П. Эфроимсон в период травли С. С. Четверикова на собрании был единственным, кто поднял голос в его защиту. По инициативе Н. К. Кольцова уезжают в Германию чета Тимофеевых-Ресовских, а в Америку Ф. Г. Добжанский. Работая там в области генетики популяций они не забывают цитировать работы ее основателя. Имя С. С. Четверикова в собственной стране на многие годы было предано забвению. С 1935 года после многолетнего отсутствия возможности работать по специальности и до его кончины он жил в городе Горьком и до 1948 года работал заведующим кафедрой генетики и деканом биофака в горьковском Университете. В 1948 году он был уволен «как не покаявшийся неисправимый морганист-менделист». В 1959 году незадолго до кончины он узнал о награждении его медалью «Планкета Дарвина» за развитие эволюционного учения и генетики. Этой награды Германской Академии естествоиспытателей он был удостоен в связи со столетием публикации книги Ч. Дарвина «Происхождение видов». Медаль вручили также Н. П. Дубинину и И. И. Шмальгаузену, который и привез медаль С. С. Четверикова из Германии.

Не буду останавливаться на тернистом пути возвращения имени С. С. Четверикова в советскую печать. Даже в книге В. В. Бабкова – образце, по моему мнению, труда по истории науки, вышедшей в 1985 году, не знаю, по каким соображениям цензуры, самоцензуры или по иным причинам ни словом не упоминается о трагической стороне жизни С. С. Четверикова и ряда его коллег. Сейчас в интернете и в печати очень много материалов, посвященных С. С. Четверикову – ученому и прекрасному светлому человеку. Спасибо людям, восстанавливающим поврежденную десятилетиями память. Можно также многое узнать и о работах и судьбах других генетиков прошлого века из самых разнообразных источников, порой совершенно неожиданных. Так, о судьбе Е. И. Балкашиной упоминается на сайте Восточно-Казахстанского краеведческого музея в период ее ссылки, жизни и работы в Усть-Каменогорске (автор и составитель сайта И. Григорьев). Единственное, что хотелось бы отметить не в связи с последним упоминанием, что приходится относиться к публикациям с осторожностью ввиду субъективности взглядов авторов, будь они даже историками науки.

Представляется, что папа в студенческие годы и в самом начале своей многолетней работы в ИЭБ хорошо знал С. С. Четверикова, которого считал своим учителем. У папы сохранилось письмо к нему С. С. Четверикова, посланное из г. Горького в 1948 году. Оригинал этого письма я передала И. А. Захарову перед нашим отъездом в Америку с тем, чтобы он передал это письмо в музей института общей генетики АН СССР. Привожу его полный текст:

*Горький 1948. Х11.8. ул. Минина, 5, кв.6
Дорогой Дмитрий Владимирович,*

Давно-давно получил Ваше письмо и вот все до нынешнего дня не отвечал. Не сердитесь на меня за это! Когда пришло Ваше письмо, я был безумно завален работой: я читал новый для себя курс (специалистам): «Новейшие задачи и последние достижения генетики». Вы представляете себе, какую адскую работу приходилось мне проделывать, рыться в журналах

русских и иностранных, все это прочитывать, перерабатывать и излагать так, чтобы это было и понятно и интересно... Я был замучен в лоск, не спал ночи, голова трещала. При всем желании написать Вам я не мог урвать для этого и 1/4 часа. Сейчас моя жизнь качнулась в другую крайность: никаких лекций, никаких занятий, никакой работы вообще, свободен как ветер...

Далось мне это не совсем легко. 1-го сентября я получил увольнение из Университета, 10-го – с работы по Шелкопряду, над которым я работал 12 лет, а 13-го у меня случился сердечный приступ (инфаркт), от которого я все-таки (к сожалению) поправился, хотя еще не совсем. Почти три месяца я пролежал пластом в постели, не смея даже приподняться. Сейчас мне разрешено вставать часа на 3–4, и вот я пишу Вам, сидя за столом.

Что-то Вы поделяетесь, как живете? Я тоже не раз вспоминал Вас за все эти долгие годы. Если встречаетесь с Квасовым или переписываетесь с ним, передайте ему мой самый сердечный привет, у меня осталось о нем самое светлое воспоминание.

Не смею просить Вас написать мне, но если бы я получил от Вас несколько строк, Вы бы очень обрадовали и утешили своего старика-учителя. Искренне любящий и уважающий Вас С. Четвериков

Квасов, Д. Г., (1897–1968) – крупный физиолог, зав. кафедрой физиологии в Ленинградском педагогическом институте.

Письмо написано в период после сессии ВАСХНИЛ – начала полномасштабного гонения на генетиков в нашей стране и не нуждается в комментариях.

Я хорошо помню, как папа часто вспоминал сотрудника кольцовского института, генетика и хорошего поэта А. С. Боброва, который был арестован в 1930-ые годы и навсегда сгинул в лагерях. У меня сохранился текст песни «Генетическая дубинушка», написанный А. С. Бобровым в 1929 г. Вот этот текст:

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ДУБИНУШКА

Если Рентген – мудрец изобрел икс – лучи,
Если кто-то их ввел в медицину,
То лишь мы в них нашли рычаги и ключи,
Чтоб открыть генотипа машину.

Припев:

Эх, мутация, ухнем!
Эх, летальная, сама пойдет,
Подёрнем, просветим, да ухнем!

Припев:

И еще прозвучать не успели слова,
Сделал Меллер работу с рентгеном,
Как тотчас же в России нашлась голова,
Чтоб начать расщепление гена.

Припев:

Кто бы мог ожидать, до какой высоты

Это дело поднимется сразу,
Как бобы из мешка повалились скьюты
Аккуратнее, чем по заказу.

Припев:
Проложили пути и работать легко,
Не смутит никакая помеха,
На одной на семерке скьютов далеко
Без сомнения можно уехать

Припев:
Удивительные подошли времена,
Разгораются всякие страсти.
Нынче сделать из мухи слона
Уж вполне в генетической власти.

А. С. Бобров (1929)

Мне зачитали стихотворение Александра Сергеевича Боброва, вспоминает Владимир Павлович Эфроимсон, моего знакомого по университету, в связи с арестом которого и на меня набрали материал. Бобров был талантливым поэтом:

*«За творчество, за мужество, за весь кольцовский стан, за крепкое
содружество генетиков всех стран!»* И задают письменно, в протоколе, такой
вопрос:

*«Против кого нужно мужество «кольцовскому стану» в стране
победившего пролетариата?»*

Папа входил в математическую группу при лаборатории эволюционной генетики (А. А. Малиновский, Д. В. Шаскольский, Д. Д. Ромашов при участии математиков А. А. Ляпунова (1911–1973) и директора института математики МГУ А. Н. Колмогорова (1903–1987) и других). В задачу группы входил математический анализ поведения хромосом в популяциях диких и домашних видов, а также анализ процессов, определяющих генетическую структуру вида.

Из папиного окружения тех лет я помню и была знакома с Валентином Сергеевичем Кирпичниковым, Верой Вениаминовной Хвостовой, Дмитрием Дмитриевичем Ромашовым и его женой Ксенией Алексеевной Головинской. Многих других бывших сотрудников кольцовского института, конечно, видела уже в ту пору, когда сама стала генетиком. С. Андреем Николаевичем Колмогоровым папа общался и в последующие годы. В. В. Бабков пользуется моим искренним уважением, как прекрасный специалист в области эволюционной генетики и историк биологии. В статье, опубликованной в журнале «Человек» (№ 6, 1998) «Как ковалась победа над генетикой», он упоминает, что интересный сюжет сообщил ему Д. В. Шаскольский: «Пчеловод Б. М. Музалевский заявил небольшой доклад на сессии. Летом 1936 г. он был недалеко от Института Лысенко и заехал туда, чтобы получить подтверждение. Лысенко заинтересовался биологией пчелы, и в конце длинной беседы Музалевский спросил, как Лысенко удаются такие крупные дела. На что получил краткий ответ: «Я имею право входа». Речь шла о доступе к И. В. Сталину»

Следя из Америки за публикациями В. В. Бабкова, так печально было узнать о его безвременной кончине. Его книга «Московская школа эволюционной генетики» чудом сохранилась у нас при переезде в Америку. Я часто и с удовольствием ее перечитываю, гордясь крупными достижениями и открытиями советских генетиков 1930–х годов, удивляясь их невероятной трудоспособности, талантам и мужеству противостоять обрушившимся на них гонениям.

Во второй половине 1930-х Дмитрий Владимирович Шаскольский защитил кандидатскую диссертацию и опубликовал в немецком журнале статью по генетике пчелы, которой очень гордился. В 1937 г. стал старшим научным сотрудником. В 1939 и 1940 гг. был приглашен заведовать кафедрой общей биологии Киргизского Гос. мединститута в г. Фрунзе. На современном сайте Кыргызской государственной медицинской академии упоминается, что организатором и первым заведующим кафедры, называемой сейчас кафедрой медицинской биологии, генетики и паразитологии был доцент Д. В. Шаскольский. Папа поехал туда сначала один, чтобы устроиться, а потом и вызвать семью. Через некоторое время он там тяжело заболел, отравившись угарным газом при закрытой печной задвижке. Пролежал двое суток без сознания, пока его не хватились. Его жизнь висела на волоске. Сильное повреждение центральной нервной системы сделало его почти неподвижным. Его мать Мария Николаевна и моя мама срочно выехали во Фрунзе (об этом городе мама тоже всегда вспоминала) и с большими трудностями привезли папу в Москву. Войну он встретил на костылях.

В конце этой главы не могу удержаться и не пересказать данные, найденные в интернете, о дальнейшей судьбе Сергея Сергеевича Четверикова, а также Елизаветы Ивановны Балкашиной, сотрудницы кольцовского института, сыгравшей выдающуюся роль как популяционный генетик и тоже совершенно невинно пострадавшую во времена сталинских репрессий.

Выдающуюся роль в разработке проблем популяционной генетики сыграл ученик С. С. Четверикова Н. В. Тимофеев-Ресовский. Работая в Берлине, он с 1926 по 1941 г. опубликовал большую серию работ в этой области науки. В 1927 г. в его статье, написанной совместно с Е. А. Тимофеевой-Ресовской, впервые в иностранной литературе было изложено содержание основополагающей статьи С. С. Четверикова (1926). Сходные работы в области популяционной и эволюционной генетики были выполнены зарубежными исследователями Фишером, Холдейном и Райтом в 1930-х гг. Один из виднейших исследователей в области популяционной генетики Ф. Г. Добржанский (1900–1975), США, в своих работах цитирует труды С. С. Четверикова и признает их исключительно важное значение для развития современной генетики и эволюционной теории. Он впервые в 1959 г. опубликовал сокращенный перевод на английский язык основного труда С. С. Четверикова «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики».

Значение работ С. С. Четверикова в биологии, особенно в области популяционной и эволюционной генетики, соизмеримо с такими выдающимися открытиями, как установление законов Менделя и создание хромосомной теории наследственности.

Далее мне хочется процитировать отрывок из статьи А. Шварца «Крушение Сергея Сергеевича», опубликованной в журнале «Слово» /Word/, 2007, 55.

«Зимой тридцать седьмого года Четвериков неожиданно навестил ученый секретарь Наркомзема. Время было строгое, предвоенное, разговор короткий: нужна чесуча, парашютная ткань, мы не можем больше зависеть от Японии. И он предложил Сергею Сергеевичу приспособить дубового шелкопряда к средней полосе, попросту, заказал ему неслыханную породу южного червя. Четвериков сразу понял: задача почти обречена, тысячи колхозов от Молдавии до Татарии пытались приютить шелконосную Сатурнию, и везде полный провал. Слишком нежен, привередлив был китайский гость, правда, дуб наш ел охотно, но каждую осень болел, мерз идох. Велик был риск, и Сергей Сергеевич знал, чем грозит ему срыв. Но, подумав, не отказался, на то был особый расчет.»

В. Марьиной роще, молодой дубраве близ Оки, он устроил небольшой опорный пункт, что-то вроде сельской фермы с лабораторией, и стал здесь приучать шелкопряда к русским холодам. Собственно, приучать он как раз собирался меньше всего. Иная задумка была у Сер-

гея Сергеевича. Генетик, он лучше многих понимал, что никакие переделки, закалки и всякие перевоспитания тут не помогут, червь просто вымрет. И если заняться делом всерьез, надо исходить из одного несомненного факта: гусеница шелкопряда зимовать под Горьким никак не может.

Но на беду именно так и выходило: китайская порода была бивольтинной, давала два поколения в год, и второе приходилось как раз на октябрь... В Японии это, конечно, удобное время, там тепло, сухо, солнечное, а у нас, в средней полосе, гусеница, едва выйдя из личинки, чахла на голубых дубах. И, не успев окуклиться, гибла. Что делать? Не заняться же ему, впрямь, яровизацией шелкопряда. Сергей Сергеевич нашел отличный выход, даже два – на выбор. Нужно вывести скороспелую породу червя, сжать, втиснуть оба поколения в наше короткое лето, или, наоборот, замедлить цикл размножения, так растянуть его, чтобы до октября шелкопряд приносил только один урожай и зимовал бы в стадии личинки или куколки. Так и решили: первую задачу Четвериков поручил ученице, за вторую взялся сам.

Из письма брату Николаю Сергеевичу, 1942 г

...Вчерне моновольтинная порода уже получена, и я мог телеграфировать правительству, что имею 5.300 коконов. Это, конечно, пустяки, но по дошедшим до меня сведениям, в нынешнем году вследствие холодного лета и ранней осени погибли все выкормки дубового шелкопряда. Моя порода осталась единственным племенным материалом в Союзе, и, возможно, на этой базе суждено возродиться нашему шелководству...

Ему же, 1943 г

Мои дела с шелкопрядом идут хорошо. В нынешнем году вся выкормка в целом дала 95,8 % моновольтинных коконов...

Ему же, 1944 г

...Живем не очень важно, – ждем, когда поспеет собственная картошка.

Жили как многие: капуста, горох, на третье – огурцы. Суп из лопухов жена декана готовила блестяще. И стирала, и тянула хозяйство, а по утрам мерила версты до опорного пункта. Ни зимой, ни летом не оставляли они шелкопряда.

Сергей Сергеевич, хоть и профессорствовал и заседал, а все старался улучшить минуту для Сатурнии. Войдет в дубраву – тишина, палые листья шуршат под дубками, он на крыльцо, открыл дверь, и первое – не видит, а слышит своих червей: "Ах, как они едят! Войдешь в лабораторию, а там хруст, будто в стойлах лошади овес жуют!" И вывел-таки породу, приспособил южного червяка к среднерусской суровости. Сдал "Горьковскую моновольтинную" в испытание, получил правительственную(!) награду и тут же занялся новым делом: решил перевести гусеницу с дуба на березу. Березового шелкопряда задумал Сергей Сергеевич. И вывел бы! Вот уж начал он снова скрещивать, отбирать, поставил опыт сразу на девяти семействах. И ждет, приглядывается к червяку... Восемь линий не вынесли, погибли, но одна прижилась, на березе завил коконы. И числом не меньше, чем на дубе. Возликовал Сергей Сергеевич, и, верно, такого в природе досель не бывало. «Да еще, коконы-то оказались первоклассные, лучше дубовых! – писал он брату. – Теперь от этой семьи поведу линии и «березовая» порода у меня в руках. Ты только подумай: шелкопряда можно будет выводить и под Ленинградом, и под Пермью, а если захочешь, хоть в твоём Миассе.»

Осенью 1945 года, – вспоминает В. И. Сычевская, – я была у Сергея Сергеевича в Горьком, он уже плохо видел, но был по-прежнему полон интересных мыслей, энергичен, занимался шелкопрядом... В октябре 1945 он еще не знал, что случится через три года. Но теперь-то уж можно рассказать.

Четверикова вызвали к ректору.

– Мы высоко чтим вас, Сергей Сергеевич, – начал он, – и хотели бы сохранить в Университете... Но вы знаете... словом, надо отречься...

Профессор сидел прямо, молчал, и ректор округлил свою мысль:

– Это формальность, напишите, что вы отказываетесь от прежних ошибок, от морганизма и вернемся к делу».

Снова помолчали.

– Вы полагаете, это поможет? – усмехнулся Сергей Сергеевич. Ректор не понял, тогда он почти закричал:

– Да если я даже отрекусь, кто вам поверит? – утих и внятно добавил:

– Справедливо или нет, но меня считают одним из основателей современной генетики...

И ушел. А в приказе было: «неисправимого морганиста-менделиста уволить... отчислить...»

Неисправимый лежал в это время с третьим инфарктом и никогда уж больше не вернулся ни в университет, ни в Марьину рощу.

«Что для меня самое главное в любом научном исследовании? Это – ПРАВДА!! Не половинчатая правда, которая хуже открытой кривды, а настоящая, полноценная, чистая и честная правда.

Никаких кривотолков и никакой лжи, вольной или невольной. Так было и останется до последнего мгновения моей жизни; от этого я не могу отступить, как бы обстоятельства ни складывались против меня...»

С. С. Четвериков

Болью отзывается в сердце и когда подумаешь о судьбе младшего брата Сергея Сергеевича – Николая Сергеевича Четверикова (1885–1973). Спасибо интернету, о его жизни и работе сохранились подробные сведения. Он был человеком, преданным Советской власти и крупным ученым. Арестован в 1930 году и приговорён к 4-годам заключения. В 1937 году после разгрома медико-биологического института, в котором он работал, был вновь арестован. После войны в 1946–48 годах работал в радио-биологическом институте вместе с крупным генетиком С. Н. Ардашниковым по проблемам первичных механизмов ионизирующей радиации. (О С. Н. Ардашникове я упомяну в следующих главах моих воспоминаний.) В 1949 году Николай Сергеевич переехал в г. Горький, когда Сергей Сергеевич тяжело заболел, и принял на себя заботы о старшем брате. После кончины Сергея Сергеевича в 1959 году Николай Сергеевич переехал в Москву и продолжил интенсивную научную и научно-литературную деятельность. Н. С. Четвериков перевел книгу американского генетика К. Штерна «Основы медицинской генетики», 1965 г., под редакцией В. П. Эфроимсона.

Через много лет после кончины С. С. Четверикова, по инициативе его коллег по Кольцовскому институту и других генетиков, было решено собрать деньги и поставить памятник на его могиле в г. Горьком. В то время студент кафедры дарвинизма Горьковского университета И. Ф. Жимулёв, где долгие годы работал Сергей Сергеевич, пошел разыскать его могилу после стольких лет забвения. Могила оказалась в заброшенной и грязной от мусора части кладбища. На палке, воткнутой в землю, была прикреплена крышка от консервной банки с фамилией Сергея Сергеевича. Гроб с его прахом студенты перенесли в другое место кладбища. Памятник

на могиле Сергея Сергеевича поставили после долгих мытарств на деньги, собранные его коллегами по кольцовскому институту, генетиками других институтов и более молодыми почитателями его таланта. И. Ф. Жимулёв, который нашёл его могилу, потом сожалел, что он выбросил консервную банку с могилы С. С. Четверикова, а не сохранил её как память о том, как в не очень далёкие от нашего времени годы безжалостно стирали из умов и сердец людей имена, прославившие своими открытиями российскую науку.

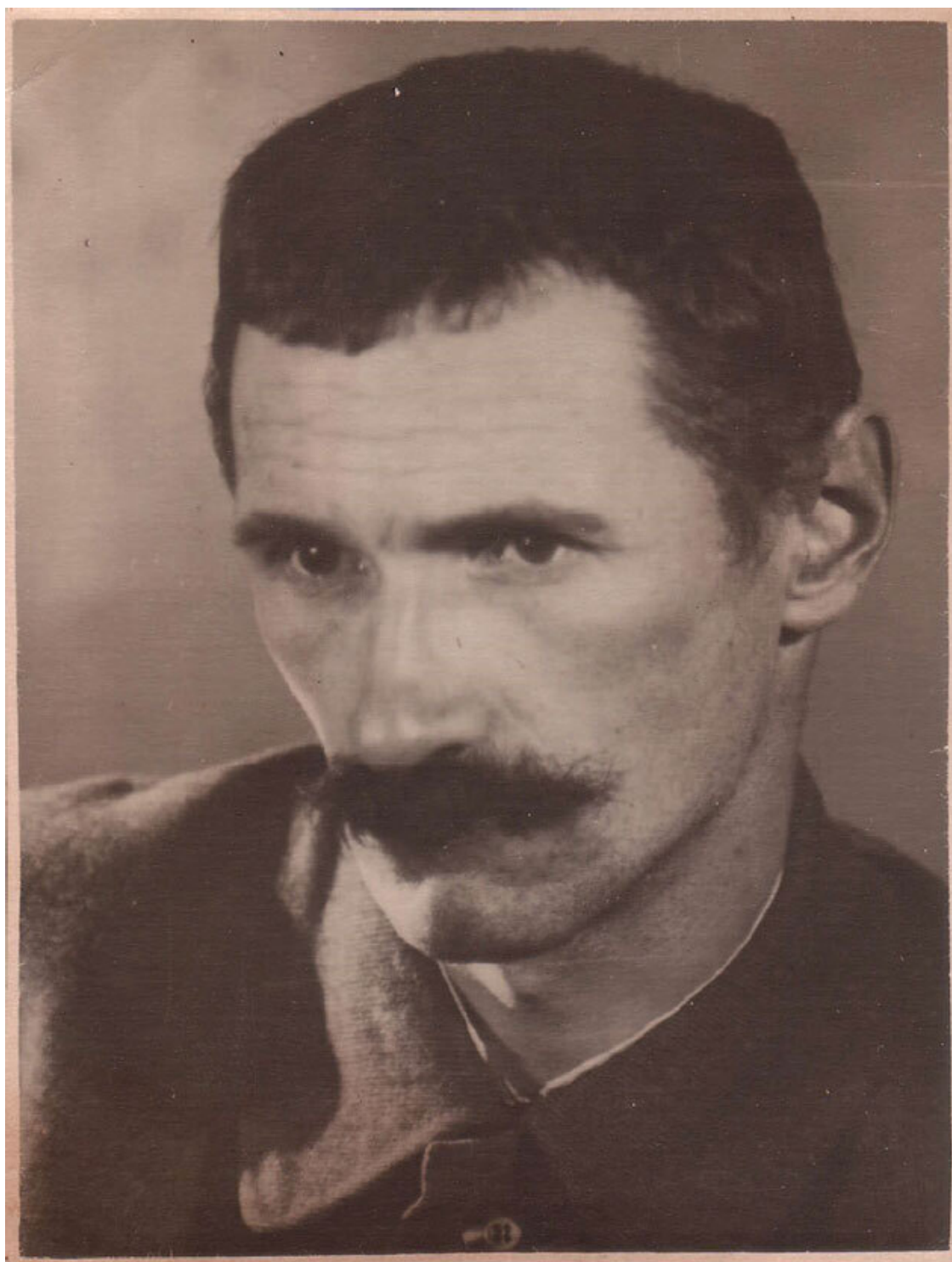
В 1973 году в г. Горьком состоялись Четвериковские чтения, инициированные президентом В. ГиС академиком Б. Л. Астауровым и председателем Совета по генетике и селекции АН СССР Д. К. Беляевым. Родной брат Дмитрия Константиновича Николай Константинович Беляев был ближайшим учеником Сергея Сергеевича, погибшим в сталинских лагерях. Ведущую роль в организации чтений сыграли также сотрудники Института цитологии (ИЦ) и Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск) З. С. Никоро, которая проработала все годы с С. С. Четвериковым на кафедре генетики Горьковского университета и М. Д. Голубовский, бывший в то время ученым секретарем секции популяционной и эволюционной генетики при Совете по генетике АН СССР. Мой папа, Д. В. Шаскольский, тоже ездил в Горький для участия в этом симпозиуме. В 1983 г. в Новосибирске вышла книга С. С. Четверикова «Проблемы общей биологии и генетики: (Воспоминания, статьи, лекции)», Отв. Ред. З. С. Никоро. Предисловие М. Д. Голубовского.

В интернете удалось также найти статью, опубликованную сотрудниками краеведческого музея г. Усть-Каменогорска. В этом городе с 1955 года жила Е. И. Балкашина, талантливый учёный, многолетний сотрудник кольцовского института экспериментальной биологии. Елизавета Ивановна Балкашина – женщина удивительной судьбы. О ее многострадальной жизни рассказала сотрудникам краеведческого музея ее дочь, Татьяна Дмитриевна Ромашова. Е. И. Балкашина закончила гимназию с золотой медалью в г. Москве, хотя и родилась в Петербурге. Затем, в 20-е годы, училась на отделении биологии физико-математического факультета Московского Государственного Университета. После окончания учебы работала лаборантом, а потом и сотрудником генетической лаборатории института экспериментальной биологии. В этой же лаборатории трудились Н. В. Тимофеев-Ресовский, Д. Д. Ромашов и другие известные впоследствии ученые. В 1935 году по решению «тройки» была выслана в г. Чимкент, где работала энтомологом на противомаларийной станции. Пешком ходила, чтобы обследовать аулы на малярию, брюшной и сыпной тиф, оставляя нередко дома одну маленькую дочку. В 1939 году ее отпустили в Москву, но в столице сразу же вызвали в органы НКВД и потребовали срочно вернуться в Чимкент. С 1943 года она стала заведующей противомаларийной станции и публиковала научные статьи в журналах. После смерти жены Н. В. Тимофеева-Ресовского, несколько зим вела хозяйство в его доме. И ушли из жизни они в одном и том же 1980 году.

Фотография сотрудников кольцовского института (Института экспериментальной биологии). На тыльной стороне фотографии рукою моего папы Дмитрия Владимировича Шаскольского (почерк, прямо сказать, не важнецкий), написаны фамилии сотрудников института. Там же и дата: 1929 г. Верхний ряд слева направо: Минервина, Ферри, Мануйлова, Сидоров, Цубина, Шапиро, Бобров, Зенин, Купченко. Средний ряд слева направо: Камшилов, Иевлев, Трофимович, Садова, Роскин, Балихина, (фамилия сотрудника справа рядом с Балихиной в папином списке отсутствует), Фризен. Первый ряд слева направо: фамилия сотрудницы крайней слева отсутствует, за ней сидят Успенская, Эпштейн, Зиновьева, Маркович, Верховская, Стоянов.

Не исключено, хотя никаких сведений у меня об этом нет, что фотография сделана Д. В. Шаскольским. Он все годы своей жизни увлекался фотографией и фотографировал почти как профессионал.

Дмитрий Дмитриевич Ромашов, один из основоположников экспериментальной генетики популяций. Фото из коллекции Д. В. Шаскольского

Эта фотография, по-видимому, была сделана на биостанции Кропотово. Честно говоря, не знаю, кто из сотрудников, представленных на этой фотографии, работал в каком из двух институтов. Думаю, что в основном на ней сотрудники лаборатории Л. Я. Бляхера Института экспериментального морфогенеза, а мой папа (крайний справа в верхнем ряду), который в то время ухаживал за моей мамой, Э. Г. Ломовской, является тут примкнувшим сотрудником кольцовского института. Знаю на этой фотографии лишь немногих. Сидит справа в первом ряду Валентин Замараев. Второй ряд справа: жена Замараева (по-моему, её звали Галя, помню, что оба они были близкими друзьями моих родителей), Леонид Яковлевич Бляхер, Эмма Григорьевна Ломовская (моя мама). Третий ряд: крайний слева Семён Яковлевич Залкинд. Рядом с С. Я. Залкиндом в том же ряду стоит Ольга Григорьевна Гольцман.

Ворокуй, 1944. 8. 8. ул. Мухоморова 5 кв. 6.

Дорогой Дмитрий Владимирович,
 Давно-давно получил Ваше письмо и вот все до нынешнего
 дня не отвола. Не сердитесь на меня за это! Когда пришла Ваша
 любовь в мои бедные завален работы: в этот момент для
 себя пишу (специально): «Наверное зарази и послужил ро-
 стовский Генерал». Вы представляете себе концы азиатской ра-
 боты приходилось мне проделывать, работая в журнале рус-
 ских и иностранных, все это проделывать, переделывать и
 излагать там, зная это было и понадеялся, и интересовался... Я был
 замурен в леса, но свои ноги, голова пережала... При всех
 талантах пишете Вам я не могу урвать для этого и 1/4 часа.
 Сейчас моя жизнь погрязла в дрянной крайности: ника-
 ких месяцев, никаких занятий, никакой работы вообще, свобода
 как ветер...

Далее мне это не совсем ясно. 1² сентября я получил уведом-
 ление из Университета, 10²⁰ с работы по Шеннонскому, на котором я
 работал 12 лет, а 13²⁰ у меня случилось сердечный приступ (инфаркт
 от которого я, впрочем (и сожаления) поправился, хотя еще
 не совсем. После 3 месяцев в кровати много в постели, не
 смог даже проморгать. Сейчас мне разрешено вставать всего и
 3-4, и вот я пишу Вам сюда за стеной.

Что-то Вы посылаете, как живете? Я тоже не рад состо-
 янию Вас за все эти годы жизни. Если вернется с Кав-
 каза или переписывается с мамой, передайте ему мой самый
 сердечный привет, у меня остался о нем самый светлый
 воспоминание.

Не смею просить Вас написать мне, но если бы я по-
 лучил от Вас хоть какой-то знак, Вы бы очень обрадовали и
 утешили своего старика-учителя.

Искренние пожелания и уважения Вас С. Четвериков

Оригинал письма Сергея Сергеевича Четверикова, посланного моему папе Д. В. Шаскольскому через несколько месяцев после сессии ВАСХНИЛ, круто изменившую к худшему и без того непростую судьбу выдающегося учёного. Перепечатанное письмо приводится в этой главе.

Вот в этом великолепном здании многие годы был роддом Грауэрмана. Там я (Н. Л.) и появилась на свет. Теперь уже не хочется упоминать ещё раз дату своего рождения.

Чудом сохранившееся фото из альбома с моими (Н. Л.) детскими фотографиями. Наташа старшая и я на биостанции в Кропотово. Я ещё не понимаю, что мы плывем на лодочке.

Мне (Н. Л.), наверное, около двух лет. С такими железными леечками, как я заметила, детки до сих пор играют в 21 веке даже в Америке.

Хорошо в Кропотове, но на всякий случай крепко держусь за мамину руку.

Кропотово, вторая половина 30-х. Сидят: в первом ряду моя (Н. Л.) тётя Валя, во втором ряду: слева направо: я, моя мама Муся Ломовская, Дмитрий Шаскольский, его дочь Наташа Шаскольская, мама Наташи Ольга Григорьевна Гольцман.

Кропотово. Наташка (я, Н. Л.) – капризуля. Согласилась сниматься, только надев на руку мамины любимые часы. Подозреваю, что это те самые часы, которые были подарены маме Н. И. Рябовым, её первым мужем и моим отцом.

Ах, это коварное Кропотово!

9-ый или 10-ый класс школы, где Лёня, Л. М. Фонштейн (1932–2014), мой будущий муж, учился с 5-ого класса. В первом ряду второй слева Лёня. Крайний слева во втором ряду – Егор Заварзин (Георгий Александрович Заварзин (1933–2011), будущий выдающийся микробиолог, академик РАН.

Моя (Н. Л.) мамочка очень меня любила, и я отвечала ей тем же.

Кончилось лето, а с ним и трудовая и дачная жизнь в Кропотово Первый слева – Валя Замораев, третья – мама со мной еще совсем маленькой, рядом Валина жена Галя Виноградова с дочкой Алёной. Едем на телеге, наверное, до ближайшей железнодорожной станции.

Дома тоже хорошо. Кто подарил медведя, конечно, не помню.

Мне уже 4 года и 9 месяцев. Снимок сделан у нас дома на Малой Бронной. Хорошо помню наши стулья, которые служили нам ещё долгие годы после войны.

Глава 4

Военные и первые послевоенные годы

Мне было неполных шесть лет, когда началась война. При первых бомбежках Москвы в котельную нашего дома, используемую в качестве бомбоубежища, попала зажигательная бомба. Мы были там с мамой, и я хорошо помню, как тушили пожар. Потом после сигнала воздушной тревоги мы стали ходить на станцию метро Маяковская, расположенную в 10–ти минутах от нашего дома глубоко под землей. Осенью 1941 года мы с бабушкой Любовью Петровной и с дедушкой Григорием Иосифовичем уехали в эвакуацию, а мама с папой еще оставались в Москве. Помню бомбежку нашего парохода по пути в г. Плёт на Волге. Через короткое время из Плёса переехали в г. Киров, где оказались дальние родственники дедушки. Дедушка до этого работал несколько месяцев на трудовом фронте под Москвой, застудил почки и скончался в начале 1942 года в г. Кирове в возрасте 56 лет. Его могилу найти не смогли. Помню, что он уже больной сокрушался, что я, уже «взрослая» девочка, а читать ещё не научилась. У бабушки была иждивенческая карточка, и мы голодали. До сих пор помню потрясающий вкус солдатских сухарей. Часть поломанных сухарей отбраковывали, не посылали на фронт и отovarивали по карточкам. Помню как продавщица в магазине отламывала и давала мне и другим детям кусочек от хлеба, уже выданного по карточке. И как каждая крошка хлеба, упавшая на стол, немедленно отправлялась в рот.

Мама с папой оставались в Москве (папа на костылях) и по рассказам обсуждали возможность ухода из Москвы пешком. В ноябре 1941 года, когда немцы были уже в подмосковье, они эвакуировались из Москвы вместе с Военно-ветеринарной академией, в которой работала мама, в город Аральск на берегу Аральского моря в Казахстане. Мама более полугода ничего не знала о нашем местонахождении и пыталась нас разыскать. Имея слабую надежду застать нас у дальних родственников в г. Кирове, она, благодаря имеющейся у неё на руках справке из военной Академии и своей необыкновенной энергии, пересаживаясь с поезда на поезд, в самое тяжелое военное время, приехала в г. Киров и вывезла нас с бабушкой в г. Аральск. Своего горячо любимого ею отца она в живых уже не застала.

Через месяц солнышка и еды я стала поправляться. Только молочные зубы совсем разрушились, потом эта голодная пора сказалась и на постоянных.

Вскоре Академия переехала в г. Самарканд. Папа тоже устроился в Академии на временную работу. Преподаватели Академии жили в большом помещении, наверное, зале, перегородженном занавесками. Мы жили на сцене вместе с семьями Кошелевых и Залкиндов. Спасали пайки, выдаваемые кандидатам наук. Топили саксаулом, главным деревом пустыни, растущим в окрестностях Самарканда. Жена С. Я. Залкинда собирала детей и читала нам русских классиков. Она была очень красивая даже по моим детским воспоминаниям. Помню, как мы все боялись, когда она читала гоголевского Вия. Мы с Мишей Залкиндом и Толей Дворкиным (сыном другого преподавателя) все свободное время играли в войну на пустыре около дома. Папа в 1943 и 1944 годах был старшим научным сотрудником, генетиком во ВНИИ каракулеводства в отделе разведения каракулевых овец. На меня большое и тяжёлое впечатление произвело его упоминание, что каракульча – это шерсть ещё не родившихся, доставаемых из утробы матери овец. Моя бабушка Любовь Петровна вернулась в Москву из эвакуации в 1943 году, боясь за сохранность нашей московской квартиры. Однако нашему соседу по лестничной клетке чудом удалось её спасти от заселения и полного разграбления. Телефон, конечно, отключили и у нас его не было вплоть до 1957 года, несмотря на многочисленные хлопоты по его установлению.

Мы с мамой и папой вернулись из эвакуации вместе с Академией в 1944 г. В стенном шкафу у нас в квартире долго хранились куски саксаула и куски соли из Аральска.

Мама продолжала работать в Академии, а папа в 1944 году был зачислен на должность старшего научного сотрудника, а с 1958 года заведующего лабораторией генетики и селекции во ВНИИ прудового рыбного хозяйства и работал там вплоть до 1961 года.

Несколько слов о нашем доме на Малой Бронной и о наших соседях. В 30-х годах наш первоначально четырехэтажный дом надстроили, и он стал шестиэтажным. На верхних этажах поселилась московская номенклатура в ранге министров и замминистров. Уж очень лакомым кусочком была и осталась улица Малая Бронная и, особенно, местоположение нашего дома напротив Патриарших прудов, переименованных вскоре в Пионерские. В двух подъездах нашего дома провели лифты, которые, проехав первые четыре этажа, останавливались только на пятом и шестом этажах. В нашем подъезде, да и в соседнем в конце 30-х годов арестовали, практически, всех глав семейств. На 1-ом этаже в нашем подъезде осталась жить Фаина Захаровна Кафенгауз, у которой мужа арестовали, а сын погиб в первые дни войны. На 2-ом этаже квартиру занял высокопоставленный партийный работник, который ни с кем из соседей не общался и его дочка никогда не гуляла во дворе. На этом же этаже уплотнили квартиру Рассоловых, арестовав отца Бори Рассолова и поселив там большую шумную семью. На 2-ом этаже жила в одной небольшой квартире семья Менделевых – мать Фаина Моисеевна и две ее дочери с семьями. Одна из них, Юлия Марковна, писаная красавица, жила с мужем, дочерью от первого брака Лией Канторович и умственно отсталым сыном Тёмой. Где-то в интернете промелькнуло, что они с мужем долго работали за границей, чуть ли не разведчиками. В мое время они оба служили в адвокатской конторе. С Менделевыми мы общались часто и в крайних случаях ходили к ним звонить по телефону.

Лия Канторович героически погибла в августе 1941 года, подняв в атаку бойцов, у которых убили командира. О ней до сих пор есть много упоминаний на российских веб-сайтах. Была она, по воспоминаниям, очень красивой, и одно время, говорят, за ней ухаживал Александр Галич.

Когда умер муж Юлии Марковны, а сестра Рая Марковна с семьей дочери в 60-х годах уехала в Израиль, она через несколько лет, поняв, что не в силах больше ухаживать за больным сыном, покончила его и свои счета с жизнью.

В одной из квартир на нашей лестничной клетке жила семья Суздаlevых, тоже без главы семьи, в другой – наш сосед, очень пожилой человек с сестрой, стараниями которого во время войны сохранилась наша квартира. Общалась я, в основном, с нашим соседом со 2-ого этажа, Борькой Рассоловым. Помню, как мы в тайне от родителей ездили по Москве и даже в подмосковные музеи, часто играли у нас или у них дома. Когда у нас появился рояль (1949 г.), играли под роялем.

Позже мы с Лёней, моим мужем, как-то встретили Бориса в метро, когда уже не жили на Малой Бронной. Он потерял грудного ребенка и мать, которая умерла от рака в совсем ещё молодом возрасте. Борис стал изобретателем, работая над внедрением капельного полива в засушливых районах. С увлечением рассказывал об этом у нас в гостях.

На четвёртом этаже жила семья Казанцевых. Мужа Любовь Александровны – моей учительницы музыки на протяжении всего моего пребывания в музыкальной школе, арестовали до войны. В одну из комнат их квартиры поселили семью Старостина, знаменитого футболиста и тренера футбольной команды (кого из братьев Старостиных, я не знаю). Вскоре арестовали и его, и в маленькой комнате остались жить его жена и дочь.

В комнате Любовь Александровны стояли хорошее пианино и старинная добротная мебель. Каждую неделю к ней приходили ее приятельницы для партии в преферанс и раскладывания пасьянсов. В другой комнате жила ее дочь с мужем и внучкой Любовь Александровны Леной. Лена, по-моему, стала впоследствии виолончелисткой, вышла замуж за музыканта, и ее двое детей играли на Патриарших прудах вместе с нашей дочкой Олей.

После войны в нашей небольшой трёхкомнатной квартире жила моя бабушка Любовь Петровна, мама с папой, я и моя родная тетя Валя. В подростковом возрасте она много времени проводила во дворе нашего дома. Дворовая компания часто заходила к нам домой. От этих визитов остались большие вмятины на столовых серебряных ложках, которые использовались компанией в качестве музыкальных инструментов.

До войны Валя заболела тяжелой формой туберкулёза и несколько довоенных лет провела в туберкулезных санаториях в Крыму. Во время войны закончила медицинский институт и в конце войны была мобилизована в армию. В Москву вернулась в 1946 году. Вскоре после окончания ординатуры по рентгенологии она по распределению уехала работать рентгенологом в г. Великие Луки и прожила там до своей кончины в 2005 году. В Великих Луках вышла замуж за актёра Великолуцкого драматического театра и родила дочку Галю. В 1955 году у нее была возможность устроиться в больницу и получить комнату в районе Лиозово, который вскоре стал одним из районов Москвы. Она была очень хорошим рентгенологом и, главное, прекрасным диагностом. Главный врач Центральной больницы в Великих Луках валялся у нее в ногах, умоляя ее остаться, и она осталась в Великих Луках и работала очень долго, даже уже и в пенсионном возрасте. Все в Великих Луках её знали, пока она работала, а потом, конечно, быстро забыли. После ухода на пенсию, вплоть до нашего отъезда в Америку в 1992 году, она жила в Москве в нашей с Лёней семье, изредка навещаясь в Великие Луки.

После возвращения в Москву из эвакуации я пошла учиться в начальную школу на Малой Бронной, а с 4-ого класса училась в 124-ой женской школе, расположенной на Большой Бронной. В 2017 году, уже давно живя в Америке, впервые удосужилась прочесть необыкновенную серию книг Александра Бенуа, которая была уже много лет в нашей домашней библиотеке. Собирали библиотеку Лёня, мой муж. И я почувствовала, что в нашем детстве сохранились какие-то жалкие остатки той жизни, которую описывает в своей книге Александр Бенуа. Вернее, книга всколыхнула некоторые воспоминания детства.

Я подолгу играла в нашем дворе. Не помню никаких эксцессов. Играли в казаков-разбойников, в лапту, штандер, в «замри», в прятки (раз, два, три, четыре, пять – я иду искать), в «фанты». Если ссорились, то потом в знак примирения протягивали друг другу мизинцы, приговаривая: «мирись, мирись, мирись и больше не дерись, а если будешь драться, я буду кусаться!». Как это ни смешно, вспоминается, что если мы с моим мужем ссорились или он меня обижал, то он никогда не просил прощения. В крайнем случае, протягивал мне мизинец, но чаще это делала я.

Во двор часто заходили старьёвщики и унылыми голосами возвещали: «Старьё берём!». Но по-моему, никакого старья в послевоенные годы ни у кого уже не было. Ходили и мужчины с перекинутой через плечо точильной машиной и на весь двор, а иногда и в подъездах раздавалось: «Точить ножи, ножницы, бритвы править». Для них работа находилась. Наверное, работали в какой-нибудь артели.

По приезду в Москву мои родители часто встречались и дружили с Марианной Петровной Шаскольской (тетей Майей), папиной двоюродной сестрой, и ее мужем Эммануилом Ильичом Адировичем (дядей Эммой). Мою маму, тоже Эмму, дома звали Мусей. Оба и тетя Майя, и дядя Эмма уже были известными физиками.

В день победы мы с папой и мамой, тетей Майей и дядей Эммой ходили на Красную площадь, благо она была совсем недалеко от нашего дома, а салют в честь дня победы смотрели с Каменного моста. Я совсем сморилась, и дяде Эмме пришлось какое-то время нести меня на руках. Как сейчас помню.

В компанию, которая часто собиралась у нас, входили также папин родной брат Глеб и его жена Нина. Эти первые послевоенные годы вспоминаются по этим встречам – играли в шарады, другие «интеллектуальные игры», смотрели мои кукольные представления, я еще и пела и начала играть на взятом на прокат пианино. Все почему-то терпеливо всё это слушали.

Несмотря на напряженные времена, отправляли друг другу шуточные телеграммы. Вот одна из них: *«Иду на ты, готовь торты, субботу, Глебы и Киты»*. «Киты» – это тётя Майя и дядя Эмма. Наша семья звалась «карасями». Вот еще один «шедевр» уже обмена телеграммами:

«Поздравляем днем рожденья, мы прибудем в воскресенье. Срочно жарьте поросёнка. Карасиха с карасёнком».

Ответная телеграмма не замедлила прибыть:

«Вы забыли, образины, что закрыты магазины. Не видать Вам поросёнка, мы зажарим карасёнка».

Сейчас (2017) вдруг вспомнилась радиопередача, которой мы с мамой вместе очень увлекались несколько послевоенных лет подряд. Это «Клуб знаменитых капитанов». Я даже вспомнила сейчас все слова песни, которой открывалась каждая передача. Записала и, конечно, сразу посмотрела в интернет, а там во всех подробностях описан путь этого радиоспектакля для детей. Включали свою черную тарелку, единственную связь с внешним миром. Особенно любили под эту передачу наряжать новогоднюю ёлку. Другие передачи помню смутно, кроме необыкновенных музыкальных передач.

Для тех, кто поленится посмотреть в интернет, привожу из него небольшую информацию:

«КЛУБ ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ» – цикл научно-познавательных передач для школьников. Вечером, в канун Нового 1946 года, после закрытия школьной библиотеки шесть оживших героев книг основали Клуб Знаменитых Капитанов. Это были: Тартарен (А. Доде, «Тартарен из Тараскона»), Робинзон (Д. Дефо, «Робинзон Крузо»), Гулливер (Д. Свифт, «Путешествия Гулливера»), Мюнхгаузен (Э. Распе, «Удивительные приключения барона Мюнхгаузена»), Гаттерас (Ж. Верн, «Путешествия и приключения капитана Гаттераса»), Капитан Немо (Ж. Верн, «20 тысяч лье под водой» и «Таинственный остров»). Они совершают путешествия по морям и океанам, по разным странам, рассказывают о своих приключениях, о географических открытиях, о встречах с мореплавателями, редкими птицами и животными, разбирают письма юных друзей Клуба, проводят среди радиослушателей различные конкурсы. В дальнейшем к членам Клуба присоединяются герои множества других книг: Дик Сенд (Ж. Верн, «Пятнадцатилетний капитан»), Артур Грэй (А. Грин, «Алые паруса»), капитан Григорьев (В. Каверин, «Два капитана») и другие.

Авторы сценария – Владимир Крепс, Климентий Минц

Редакторами радиопьес в разное время были – Т. Красина, А. Дитрих, Т. Седых...

Режиссеры – Р. Иоффе, Н. Александрович, Т. Сапожникова и другие.

Передача выходила с декабря 1945 г. до начала 1980-х г.г.» Конечно, книги, герои которых участвуют в передаче, прочитаны. Так как я сама полностью уже сейчас вспомнила слова песни знаменитых капитанов, то привожу слова этой песни:

В шорохе мышинном,
В скрипе половиц
Медленно и чинно
Сходим со страниц,
Шелестят кафтаны,

Чей-то меч звенит,
Все мы капитаны,
Каждый знаменит
Нет на свете далей
Нет таких морей
Где бы не видали
Наших кораблей,
Мы полны отваги,
Презираем лесть,
Обнажаем шпаги
За любовь и честь.

В 1947 г. у тётки Майи с дядей Эммой родилась дочь Вера, а в самом конце 1948 года – другая дочь, Майя. Она родилась в день рождения тети Майи, а ее сестра-близнец, умерла при родах, оставив тяжелую травму в сердцах родителей. Прошло не очень много времени, и они расстались.

Тётя Майя осталась одна с двумя маленькими дочками, громадной нагрузкой ученого и педагога, в одной комнате коммунальной квартиры, заваленной книгами. До моего замужества я тесно с ней общалась, думаю, что немного помогала.

Проводила часть летних школьных каникул в академическом поселке Луцино близ Звенигорода, где Марианна Петровна (тётя Майя) снимала небольшой домик на территории дачи академика Евгения Алексеевича Чудакова. Конечно, при детях всегда была няня, а тётя Майя и моя мама приезжали в воскресенье, нагруженные выше головы сумками с продуктами. Я спала на чердаке, а Вера и Майя очень рано будили меня пионерской прибауткой: «Вставай, вставай, дружок...» Туда же в Луцино часто из Ленинграда приезжала сестра Марианны Петровны, Тамара Петровна Шаскольская с дочерью Таней. Она всю жизнь жила в Ленинграде и преподавала в школе. По ней сразу можно было догадаться о ее профессии.

Марианна Петровна дружила с моими родителями всю жизнь вплоть до ее кончины в 1983 году. Ее дочь Верочка тоже имеет двух дочерей Лизу и Надю и внуков. В начале 90-х Вера вышла второй раз замуж за француза. Зовут его Христиан. Оба они работают. Вера преподает в Сорбонне. Мы с моим мужем Лёней были у них в Париже в 2001 году. Вдруг она нам позвонила, когда я пишу эти строки. Олечка, наша дочь, тоже, конечно, была в гостях у Веры и Христиана, когда приезжала на конференцию в Париж из Америки. Верочка сейчас единственная, но очень прочная ниточка, которая связывает меня с Шаскольскими.

Весной 2013 года мы провели чудесную неделю вместе с Верой у нас в Калифорнии. Она неожиданно решила и приехала, такая энергичная, родная, талантливая (есть в кого), с великолепной памятью, всегда прочно припаянная к компьютеру. Вспоминала массу мелочей из своего детства, нашего общения и даже стихи своего папы, написанные по поводу длительной командировки моего папы в Берлин:

Сидит в Берлине бедный Дима, ему жена необходима.
Несчастный, даже в женский день он просидел один, как пень.

Возвращаюсь в те далекие послевоенные. Транспорт в Москве переполнен. Мама в толкучке, как львица, защищает меня, почти не стесняясь в выражениях. Я ее не одобряю. Каждую неделю к нам в гости приходит дедушкин родной брат, дядя Саул с женой тетей Ганей, бабушка печет всегда один и тот же пирог, и все пьют чай. Они приходят к нам пешком с Петровки. Навещают нас и другие дедушкины братья дядя Соломон с женой и дядя Миша – главный инженер Ижевского металлургического завода, когда приезжает в Москву в команди-

ровку. Мы тоже часто ходим в гости к дяде Саулу и тётке Гане в их большую квартиру на Петровке. Их сын Теодор Саулович, красивый и умный парень, женился несколько раз. От первого брака у него дочь Ира, которую бабушка с дедушкой растили до 9 лет, а потом ее мама, разведясь с Тодей, увезла их внучку, и они уже никогда ее не видели. Помню Тодину вторую жену. Я ее за глаза называла фифочкой. Она работала на дому, разрисовывая кисточкой фарфоровую посуду, которую потом обжигали, чтобы рисунок сохранялся. С тех пор мне всегда хотелось разрисовывать посуду, и я Тодину жену долгое время вспоминала, когда видела красивый рисунок на фарфоре. После неудачных женитьб сына старики потеряли квартиру, отдавая по комнате Тодиным женам, и оказались в коммунальной квартире, но тоже где-то на Петровке. Тодя, наконец, женился на женщине, которую очень любил, прожил с ней долгую совместную жизнь и, когда она умерла от рака, не захотел жить без нее.

Его жена Катя была прекрасной женщиной и хозяйкой, они усыновили мальчика Сашу, с которым в детстве имели проблемы, но потом Саша вырос и очень хорошо к ним относился. Тодя всегда, вплоть до нашего отъезда в Америку, звонил нам ровно через минуту после наступления очередного Нового года. Потом нам так не хватало его звонков.

Бывали в нашем доме, помимо Глеба, и другие папины братья Борис и Николай. Один из братьев Виктор Владимирович (до войны он был геофизиком, сейсморазведчиком), работал в нефтяном институте и Всесоюзной конторе геофизических разведок до июня 1941 года. 29 июня 1941 года он пошёл добровольцем в армию и был направлен в Московскую коммунистическую дивизию политбойцом. 10 июля от него пришло домой последнее письмо. А в октябре 1941 года пришло извещение, что Виктор Владимирович Шаскольский пропал без вести. Так с тех пор все попытки найти его следы в военных документах ни к чему не привели, и его родители до самой их кончины его безутешно оплакивали.

Часто к нам заходил и Владимир Борисович, отец моего папы. Он заходил и тогда, когда папа после войны был в длительной командировке в Германии. Ещё до войны, когда выросли дети, он оставил семью и женился на своей первой привязанности, Вере Антоновне Залеской. Она его и похоронила. Помнится, что Владимир Борисович и Вера Антоновна жили в крохотной комнате в коммунальной квартире. Сыновья, хотя все, кроме Николая, были уже взрослыми, тяжело переживали уход Владимира Борисовича из семьи, но продолжали с ним общаться. Папа с мамой и со мной тоже бывали у него. Как я уже упоминала, я хорошо помню последнюю с ним встречу, когда я навестила его зимой в подмосковном санатории. Он подарил мне чудесную поездку по зимней дороге в санях, запряженных лошадьми.

В квартире Шаскольских в Мильниковом переулке, в которой они жили еще до революции, после войны жила мать моего папы Мария Николаевна, его брат Глеб с семьей, первая жена моего папы Ольга Григорьевна с дочерью Наташей, дальние родственники Марии Николаевны – двое осиротевших, но уже взрослых детей Галя и Миша Зубелевичи. Одно время Галя в эвакуации жила в нашей семье. Помню Марию Николаевну, сидевшую за самоваром. Посуду после чая полоскали за столом. Там же встречались и с первой женой старшего из братьев Бориса Владимировича Галиной Николаевной Шкляр и их дочерью Катей. Когда выходили все вместе, говорили: «дети и собаки впереди», а взрослые продолжали беседовать. Галина Николаевна (1905–1958) была дочерью известного детского писателя Н. Г. Шкляра. Через много лет мой муж и его друзья рассказывали с любовью о Татьяне Николаевне Шкляр (1910–1959), которая, как и её сестра Галина Николаевна, безвременно ушла из жизни. Татьяна Николаевна в своё время окончила Тимирязевскую академию и была доцентом кафедры фитопатологии, которую кончал ближайший друг моего мужа Юрий Таричанович Дьяков. Она была очень интересной женщиной, мастером спорта и актрисой кино. Было такое впечатление, что все её студенты были в неё тайно влюблены. В год 25-летия со дня её кончины в Москву почтить её память приехали её бывшие студенты со всех концов Советского Союза.

Борис Владимирович Шаскольский (1907–1977), бывая у нас в гостях, рассказывал о своих удивительных путешествиях на Алтай, Гималаи и другие горные районы страны.

Я много раз впоследствии участвовала в организованных им походах выходного дня по подмосковью (очень любила всю московскую жизнь ходить на лыжах). Это были продолжительные и интересные, но довольно утомительные прогулки.

Краткая биография Бориса Владимировича опубликована в Википедии – свободной энциклопедии. Он был крупным инженером, работая в области механизации производственных процессов. Работал во многих городах Советского Союза, последние 15 лет в Москве заведовал кафедрой в МАТИ, был автором многих изобретений. Профессионально увлекался туризмом и альпинизмом, как правило, впервые разрабатывая как первопроходец новые маршруты. В 1977 г. Борис Владимирович покорил вторично вершину Эльбруса в возрасте 70 лет. Во время привала, на спуске пошел на разведку и не вернулся. Похоронен там же на альпинистском кладбище.

Шаскольский Николай Владимирович – младший из братьев. В войну служил инженером-подводником, после войны довольно длительное время продолжал служить в Германии, встречался там в 48–49 годах с папой, прекрасно знал немецкий язык, потом длительное время еще был в армии и ушел в отставку в чине капитана первого ранга.

Недавно, гуляя по интернету, выяснила, что Н. В. Шаскольский возглавлял стартовую команду 16 сентября 1955 года при старте баллистической ракеты с подводной лодки. Руководство всем проектом осуществлял Сергей Павлович Королев.

Вспоминает участник этих событий А. А. Запольский в книге «Ракеты стартуют с моря»:

«Сергей Павлович не любил, когда происходила замена участников испытаний и на всякий случай подстраховывал новичков. Так, на летно-конструкторские испытания на море в 1955 году по его требованию прибыл начальник стартовой команды с ГЦП майор И. А. Золотенков. Участия его, однако, не потребовалось: Н. В. Шаскольский овладел вполне своими новыми обязанностями на испытаниях с качающегося стенда и к тому же был еще и подводником. Освоить же в оставшееся время особенности испытаний в условиях подводной лодки новому человеку быстро вряд ли бы удалось.

«В следующем, 1956 году, история повторилась. Для участия в стрельбе после первого месяца транспортных испытаний С. П. Королев настоял на приезде с нового места службы Н. В. Шаскольского, на этот раз уже для того, чтобы дублировать меня. Очень деликатный по натуре человек, Николай Владимирович предупредил: «Не обращайтесь на мое присутствие, я ни во что вмешиваться не буду». А. А. Запольский также вспоминает: «Наши жизненные пути с Н. В. Шаскольским пересекались в Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского, а затем в Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова, но близко знакомы мы не были. Судьба свела нас в 1955 году на морском полигоне, когда я был назначен в отдел испытаний старшим инженером-испытателем.

Технически грамотный, эрудированный офицер, Николай Владимирович в совершенстве владел немецким языком, а затем освоил еще и английский. Отличался интеллигентностью, педантичностью и корректностью, но занудой не был. Никогда не повышал голоса. Без нажима умел как обязать своих подчиненных выполнить его указания, так и убедить начальство в своей правоте. Его доводы были всегда продуманы и логичны. Он умел слушать и

соглашаться с дельным предложением, не настаивая на приоритете своего мнения. Был человеком высоко организованным и глубоко порядочным».

Продолжая вспоминать, А. А. Запольский указывает на необходимость осуществления этого трудного дела, писания воспоминаний, потому что,

«если продолжать дальше надеяться на кого-то, то, может статься, и вспоминать будет некому. Нам, пока еще живущим, следует рассказать о событиях давних лет и этим отдать долг памяти тем самоотверженным энтузиастам, которые посвятили становлению нового флота лучшие годы своей жизни. Уверен, что ветераны способны заполнить «белые» страницы истории. Кстати, их молчание является одной из косвенных причин существования таких страниц. То ли они не хотели говорить все о самом, может быть, сокровенном для себя, то ли опасались показаться нескромными, упоминая о своем участии в работах, которыми руководили прославленные главные конструкторы С. П. Королев и Н. Н. Исанин. Но цену этим работам они знают».

Н. В. Шаскольский – начальник стартовой команды морского полигона в 1955 году, не имея возможности из-за болезни приехать на юбилейную конференцию, в своем письме автору пишет: *«Очень жаль, что не смогу приехать и повидать всех, кого помню, вспомнить нашу интенсивную, целеустремленную и, в итоге, несмотря ни на что, повидимому, полезную для отечества тогдашнюю жизнь.»*

После переезда в Москву Николай Владимирович женился во второй раз. В последние годы жил совсем рядом с нами около метро «Университет».

Считалось, что его дочь Мария Николаевна Шаскольская была очень похожа на свою полную тезку бабушку Марию Николаевну. В начале 80-х Николай Владимирович собрал всех Шаскольских, ленинградских и московских. По фотографиям искали сходство с предками.

Николай был заядлым театралом. Наверное, наверстывал то, что не успел во время кочевой военной жизни. Скончался безвременно в начале 90-х.

Еще о Марианне Петровне Шаскольской (1913–1983) – дочери Петра Борисовича Шаскольского и Надежды Владимировны Брюловой-Шаскольской, внучке фармацевта и бизнесмена Б. М. Шаскольского и правнучке архитектора и художника Александра Брюллова.

Очень рано она осталась без родителей и воспитывалась в семье своей тёти В. Г. Конради, родной сестры её матери. После окончания школы работала в Ленинградском Университете уборщицей и препаратором, посещая лекции по кристаллографии. В 1934 г. переехала с кристаллографической лабораторией АН СССР в Москву. В 1936 г. подготовлена к печати ее книга «Кристаллы» в издательстве Детской литературы. Автору 23 года. Книгой многие зачитываются. В 1941 году закончила физический факультет МГУ по специальности рентгено-структурный анализ. А в 1942 году ей была присуждена степень кандидата физико-математических наук. В 1943 году получила учёное звание доцента по кафедре «Общая физика» на физико-математическом факультете МГУ.

Марианна Петровна становится известным кристаллографом и кристаллофизиком. Однако в 1949 году она была вынуждена уволиться из МГУ. Я хорошо помню это тяжелое для Марианны Петровны испытание. Она была принципиальным человеком и не научилась молчать на партийных собраниях. Своими переживаниями она делилась с моей мамой, мой папа был в ту пору в Германии и не мог ей ничего посоветовать. После короткого периода работы на кафедре физики в Московском педагогическом институте она в 1952 году поступает в Московский институт стали (в дальнейшем стали и сплавов) и в 1962 году организует в нём кафедру кристаллографии и становится ее первым заведующим, проработав там более 30 лет. С 1972 года до конца своей жизни она – профессор этой кафедры. Все выпускники института

этого времени ее знали и боялись. Очень была строга и требовательна. Это я говорю не по наслышке. Как-то так случилось, что я неожиданно знакомясь с несколькими её учениками. Все они очень напрягались, когда узнавали, что Марианна Петровна – моя тётя и рассказывали, как они боялись идти сдавать ей экзамен. Её научный авторитет был очень высок, и с 1960 года она была участницей многих международных конгрессов и конференций зарубежом. И это в период «железного занавеса».

Марианна Петровна – автор и переводчик большого числа научных и научно-популярных книг, популярных статей в журналах «Природа», «Наука и Жизнь», «Юный техник», «Пионер», автор лекций для детей по радио. Она также автор биографий известных ученых в серии «Жизнь замечательных людей»; наиболее известная из них «Фредерик Жолио-Кюри».

В 1975 г. выходит ее монография «Основы кристаллофизики» и учебник «Кристаллография», ставший классическим.

В соавторстве с И. А. Эльциным М. П. Шаскольская издает задачник «Сборник избранных задач по физике». В 1986 году, уже после ее кончины в издательстве «Наука» вышло 5-ое издание этого задачника. Эти задачи школьники решали и решают при подготовке вступительных экзаменов в технические вузы в течение десятилетий.

Сейчас мне представляется, что я не могла решить ни одной задачи из этого учебника, но не помню, чтобы я расстраивалась по этому поводу. Не исключаю, что какие-то задачи мне всё-таки удавалось решать.

Вспоминается, что рукописные тексты для машинистки Марианна Петровна всегда писала печатными буквами. Я попробовала так писать, у меня не получилось. Мысль улетучивалась быстрее, чем я успевала занести ее на бумагу.

А вот главное событие, посвященное памяти М. П. Шаскольской, о котором она уже никогда не узнает. В 1988 году, по постановлению Юнеско, имя Марианны Петровны Шаскольской внесено в сборник «47 выдающихся женщин-физиков мира».

Памяти М. П. Шаскольской были посвящены три Международные конференции по физике кристаллов: 1998, 2003 и 2006 гг. Объявление о четвертом Международном симпозиуме

«Физика кристаллов 2013», посвященном 100-летней годовщине со дня рождения профессора Марианны Петровны Шаскольской, гласило, что он состоится с 28 октября по 2 ноября 2013 года в Москве в Национальном университете науки и технологии.

Вера, дочь Марианны Петровны, активно участвует в подготовке материалов этого симпозиума. К началу симпозиума вышла книга «Марианна Петровна Шаскольская в кругу коллег, родных и друзей», Москва, М. СиС, 2013. Вера уговорила меня написать для этой книги свои воспоминания, которые называются «В семье Шаскольских», и сама их прекрасно отредактировала. Это был мой первый опыт публикации не научных статей. Текст этих воспоминаний частично пересекается с текстом этих моих мемуаров. Вера рассказала, что докладчикам первого заседания симпозиума не повезло, так как все присутствующие на этом заседании учёные просто уткнулись в эту книгу и из-за этого не могли внимательно слушать доклады.

Нельзя не упомянуть о долголетней дружбе Марианны Петровны с Корнеем Ивановичем Чуковским. Он упоминает ее неоднократно в своих дневниках. Она часто бывала у него в Переделкине. Детские высказывания ее дочерей Веры и Майи вошли в книгу Корнея Ивановича «От двух до пяти».

Муж Марианны Петровны Эммануил Ильич Адирович (1915–1973) (для меня в детстве – мой кумир и просто дядя Эмма), как я уже упоминала, тоже был известным физиком, академиком Узбекской Академии Наук. Скончался он совсем безвременно. До сих пор его труды по физике твердого тела и физике полупроводников остаются востребованными. Он один из основоположников опто- и диэлектрической электроники. Он тоже автор большого числа научно-

популярных книг. Его книга «Электрический ток», увидевшая свет в 1952 году, до сих пор издается большими тиражами.

Как только он появлялся в кругу своих знакомых, то сразу становился душой компании, сходу сыпал остротами, был яркой, неординарной личностью и, наверное, как и всякий талантливый человек, имел не простой характер.

После войны приезжал в Москву и заходил к нам несколько раз в гости Валерий Петрович Шаскольский (1910–1948), родной брат Марианны Петровны и Тамары Петровны. Мне он очень нравился, был он добрым и приветливым человеком. Я только знала, что он живет в Средней Азии, работает геологом, имеет жену и двух дочерей Сашу и Лену.

Он был старшим из детей Н. В. Брюловой-Шаскольской, уехал с ней в ссылку в Ашхабад в 1922 г. и в дальнейшем всегда был рядом с ней во все дни её тяжёлых испытаний.

С 1931 по 1948 г. он был начальником геологического поискового отряда в Таджикистане. В начале 30-х его заставляли отречься от матери, но он неизменно отвечал отказом. В 1937 году он был арестован и провел в тюрьме 18 месяцев. В 1939 году был освобожден из-под стражи за отсутствием состава преступления. Умер Валерий Петрович совсем ещё молодым человеком, заболев в экспедиции дифтерией.

Марианна Петровна потом всегда помогала его семье, за что они были ей очень благодарны. Одна из дочерей Валерия Петровича, Елена Разамат (Шаскольская) написала о нем и о его семье по просьбе составителей книги памяти о жертвах репрессий, и его краткая биография помещена в эту книгу, так же, как и биографии его родителей. Елена Разамат написала также книгу своих собственных воспоминаний «Разрешите объясниться», которую мне подарил её сын Эмиль, навестивший нас в Калифорнии в 2013 году. Получается, что кроме старшей дочери Валерия Петровича Саши, которая была намного моложе меня в то время, когда он скончался, теперь помню его живым только я по его редким приездам в Москву. Мне запомнилась также и лёгкость общения с ним, т. к. я была довольно застенчивой девочкой и имела трудности в общении с людьми не очень коммуникабельными. Это свойство у меня сохранялось в течение многих лет моей жизни. Правда, мне кажется, что в последние годы я постепенно это свойство утрачивала.

Ленинградская родня московских Шаскольских, кроме Тамары Петровны Шаскольской и ее дочери Татьяны, состояла из потомков Павла Борисовича Шаскольского, его дочери Марины Павловны и сына Игоря Павловича и его семьи.

Мои родители общались с ними, приезжая в Ленинград, или во время их визитов в Москву. И. П. Шаскольский – известный историк, специалист по истории древней и средневековой Руси и взаимоотношениям России со скандинавскими странами. Сейчас есть очень большое число сайтов в интернете, где упоминаются его труды. По их количеству он конкурирует с М. П. Шаскольской.

Игорь Павлович – автор книг, которые переиздаются и в наше время. Интерес в России к собственной истории до конца не оскудел.

В последний раз я встретила с Игорем Павловичем, его женой и внучкой в академическом доме отдыха в Можжинке под Звенигородом в 1991 году. Вместе гуляли, вспоминали моих родителей. Расстались тепло.

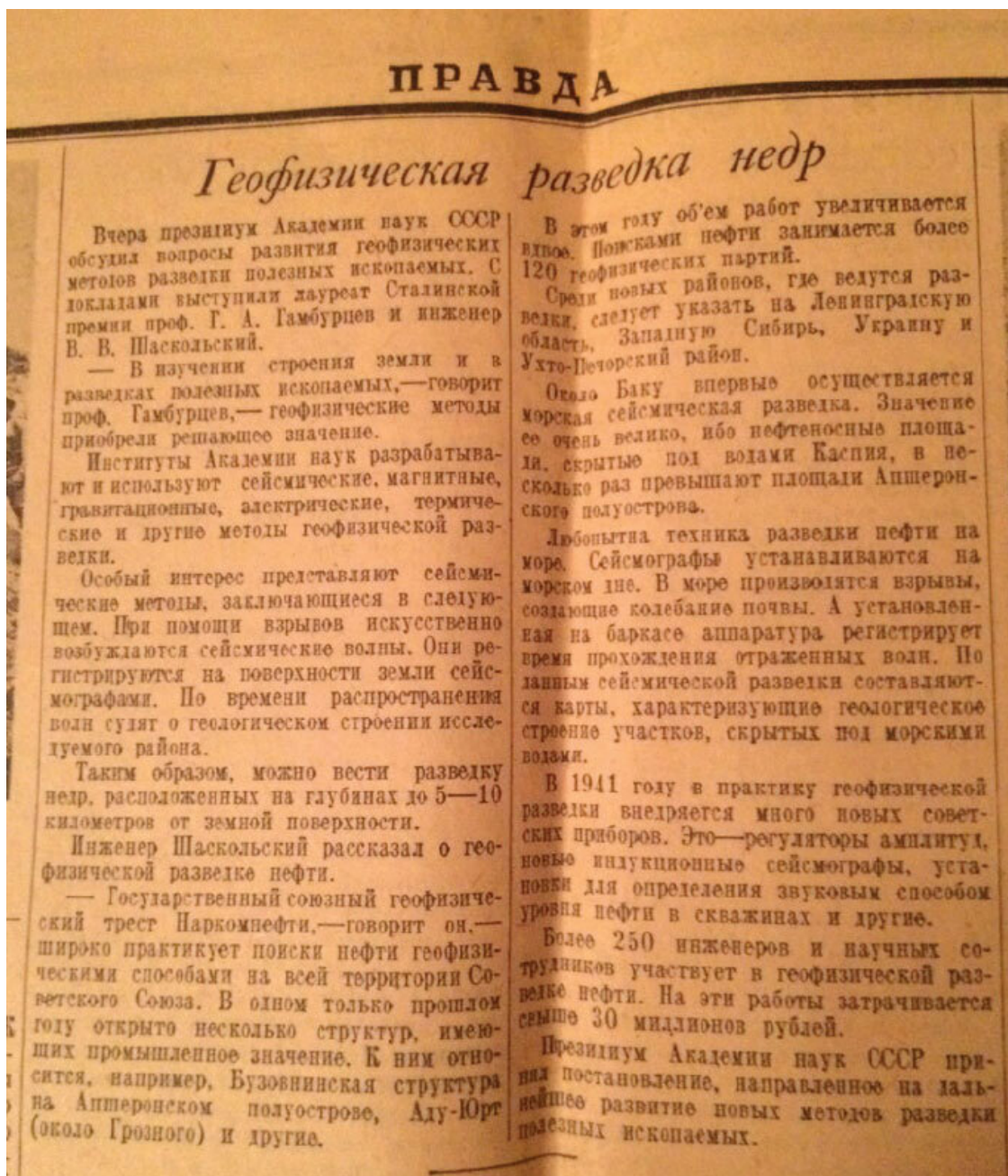
В начале 1948 года папа уехал в длительную командировку в Германию издавать Атлас «Промысловые рыбы СССР» с описанием рыб, помещённых в Атласе, опубликованном в отдельном томе.

Летом 1948 года мне сделали операцию по пересадке сухожилий на левой ноге, чтобы уменьшить последствия перенесенного в раннем детстве полиомиелита. После операции часами играли со школьными подружками на балконе в самые примитивные детские игры. Цветы на балконе были моей заботой, и я ежегодно осенью собирала семена настурций и коготков, а весной их высаживала. До сих пор вздрагиваю от вида и запаха настурций. Многие цветы

и, особенно, травы в Америке, даже в Калифорнии, такие же, как в России. В парках вдоль асфальтированных дорожек – подорожники.

Мой дедушка Григорий Иосифович Ломовский на трудовом фронте, куда он ушёл добровольцем в первые месяцы войны в возрасте 56 лет.

Копия статьи, опубликованной в газете «Правда», в которой упоминается инженер-геолог Виктор Владимирович Шаскольский, один из братьев Шаскольских, разработчик нового метода поиска полезных ископаемых. Пропал без вести в первые месяцы войны.

Н. В. Шаскольский в чине или майора или уже подполковника

У нас дома на Малой Бронной в 1946-м или 47-ом году. Слева направо: М. П. Шаскольская (такая красивая и счастливая), её муж Э. И. Адирович (умница, острослов, душа компании). Чета Нины и Глеба Шаскольских, заядлых участников гонок на парусных лодках. Глеб Владимирович уже крупный инженер. Мама с папой (Эмма Григорьевна и Дмитрий Владимирович). Снимает папа, успевает подбежать ко всем присутствующим. Не знаю, где я: как видно, ещё не дозрела сниматься в такой компании.

Э. Г. Ломовская (моя, Н. Л., мама) – многолетний преподаватель кафедры гистологии Военно-ветеринарной академии (1940-е) за микроскопом.

Мария Николаевна Шаскольская (папина мама) за пасьянсом в квартире на Мыльниковом переулке. Снимок папы, послевоенный.

Уезжаем с мамой и папой отдыхать на Рижское взморье, 1947 г. Снимает, конечно, папа.

Отмечаем 60-летие со дня рождения Николая Владимировича Шаскольского. 1982 г.

Верхний ряд слева направо: Лёня Фонштейн, мой (Н. Л.) муж, Тамара Петровна Шаскольская, двоюродная сестра юбиляра, Ольга Григорьевна Гольцман (1-ая жена Д. В. Шаскольского), Галя Зубелевич (дальняя родственница юбиляра), 2-ой ряд: вторая слева Марианна Петровна Шаскольская (двоюродная сестра юбиляра), Игорь Павлович Шаскольский (двоюродный брат юбиляра), Эмма Григорьевна Ломовская (жена Д. В. Шаскольского), Д. В. Шаскольский (родной брат юбиляра), Глеб Владимирович Шаскольский (родной брат юбиляра). 1-ый ряд слева Н. Д. Ломовская, дочь Э. Г. Ломовской (автор настоящих мемуаров), Николай Владимирович Шаскольский (юбиляр), Ольга Леонидовна Ломовская (дочь Л. М. Фонштейна и Н. Д. Ломовской), крайняя справа в первом ряду жена юбиляра.

Слева моя бабушка, Любовь Петровна Ломовская, дедушкин родной брат Саул Иосифович Ломовский (дядя Саул) и его жена тётя Ганя у нас в гостях на Малой Бронной. Снимал, конечно, папа. Послевоенная фотография.

Моя тётя Валентина Григорьевна Ломовская с дочкой Галей, 1950-е.

Я, (Н. Л.) сколько себя помню, весной на нашем балконе на Малой Бронной высаживала цветочные семена ноготков и настурций, собранные с этих растений поздней осенью предыдущего года. Поливала и ухаживала за ними в течение лета. Растения были не прихотливыми и особенного ухода не требовали. Цвели себе всё лето и цвели. Настурций много и в Америке. Как потрёшь листочек, так и вспомнишь Малую Бронную. А ноготки, которые уже цветут в Калифорнии в январе, я первый раз увидела вчера, 20 января 2017 года в соседнем с нами городке Ларкспур.

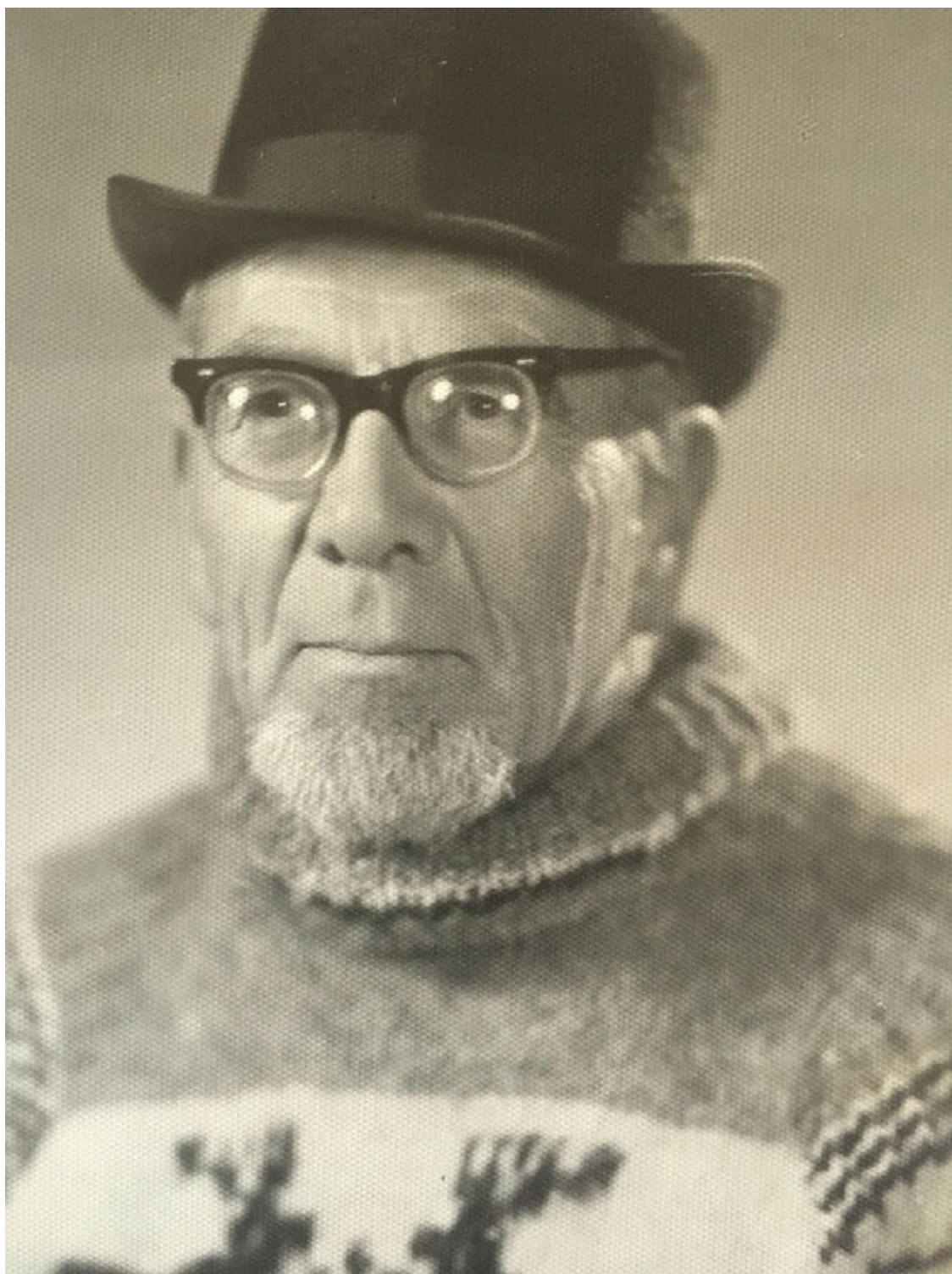
Владимир Борисович Шаскольский со своей племянницей Марианной Петровной Шаскольской и её маленькими дочками Верочкой и Майечкой. (Фото прислано мне Верой Шаскольской.)

В воскресный день на даче в Луцино под Москвой (начало 50-х). Слева направо: я (Наташа Л.), Вера (дочь Марианны Петровны), Таня (дочь Тамары Петровны), Майя (дочь Марианны Петровны), моя мама Эмма Григорьевна Ломовская и Тамара Петровна Шаскольская. Фотографирует, наверное, Марианна Петровна Шаскольская.

Прекрасная фотография в нашу бытность в Луцино, присланная мне (Н. Л.) Верой Шаскольской. Там М. П. Шаскольская снимала дачу и считалось, что я там пасу её дочек, Веру и Майю, и её племянницу Таню Шаскольскую. Конечно, там всегда с нами жила няня Маруся. По воскресеньям приезжала Марианна Петровна и моя мама Эмма Григорьевна и периодически жила родная сестра Марианны Петровны Тамара Петровна. Так что моя помощь на даче была скорее мифом. Думаю, что такие аккуратные косички Тане (слева от меня), Верочке и Майечке (справа) заплетала няня Маруся. Два мальчика – Никита и Борис Шарковы. Борис Юрьевич Шарков (г. р. 1950), физик, доктор физмат наук, член-корр РАН. Никита Шарков-Соллертинский (1948–2007) – выдающийся художник и реставратор.

Борис Владимирович Шаскольский (1907–1977)

Глава 5

Жизнь продолжается

Как только папа уехал в Германию, у нас в доме появился котенок, которого подобрали на лестнице. Но в тот же день как папа вернулся, он выбросил котенка за дверь, т. к. совершенно не выносил запаха кошек. Я была убита. Но зато он почти все заработанные в Германии деньги потратил на покупку великолепного коричневого концертного рояля «Bluthner», который занял большую часть их комнаты. Я играла на нём вплоть до окончания 7-милетней музыкальной школы, а потом еще два года занималась с учительницей из института Гнесиных, прекрасным музыкантом. Какое-то время аккомпанировала себе по нотам романсы, а впоследствии себе и Лёне, моему мужу. На этом моя музыкальная карьера закончилась. После переезда с Малой Бронной на новую квартиру на Филях по обмену в 1963 г. рояль продали. Его купила в комиссионном магазине Александра Пахмутова, выдающийся советский композитор, так что рояль оказался в более чем достойных руках. А я в течение почти полувека больше не прикасалась к инструменту. Одной из причин было то, что в период моего обучения музыке совсем не принято было учить подбирать аккомпанемент по слуху, а сама я этому не научилась. Вообще мое музыкальное образование было достаточно формальным. Я играла хорошо и довольно сложные вещи. Но ленилась учить наизусть. Это сильно ограничивало мои возможности. Я дружила с двумя музыкантами-скрипачами из музыкальной школы, Сашей Рубиным и Сашей Кисельманом. Так вот, они были настоящими музыкантами, мгновенно называли имя композиторов и названия произведений, исполняемых тогда в большом числе по радио. Они в старших классах приходили к нам домой, когда мы собирались у нас и танцевали фокстроты и танго под патефон. Мне нравился Саша Рубин, а я нравилась Саше Кисельману. Потом я встретила уже совсем взрослого Сашу Рубина в метро с высокой, модно одетой красивой девушкой. Он меня не узнал или сделал вид, что не узнал.

Да, вот к чему у меня, по-видимому, был настоящий талант, так это к декламации стихов и прозы. Однажды, когда я читала «Жди меня» К. Симонова, в классе многие плакали. Но и этот талант быстро испарился из-за моего нежелания или неумения учить стихи или прозу наизусть. А вообще-то я объясняла это плохой памятью, а можно было бы её и потренировать.

Большинство наших девочек росло без отцов. Валя Вязнер и ее родная сестра воспитывались в разных семьях родственников, т. к. родители были репрессированы. Об этом я узнала много позже. Между прочим, я была почти единственной девочкой в классе, которая жила в отдельной квартире, а не в коммуналке. Все годы, с 1-го по 10-й класс в нашем классе училась Татьяна Самойлова, дочь Евгения Самойлова, имя которого гремело на всю страну. Впоследствии и она стала кинозвездой после того, как сыграла главную роль в фильме «Летят журавли», облетевшем не только нашу страну, но и весь мир. Родители Тани, она и ее младший брат жили в коммунальной или очень маленькой отдельной квартире, и я пару раз бывала у них в доме. Потом, когда мы уже кончали школу, ее отец получил хорошую отдельную квартиру на Песчаных улицах в районе Сокола, и мы ездили ее смотреть. Еще мы однажды почти всем классом поехали в дом на Набережной навестить нашу прихворнувшую учительницу английского языка – голливудскую красавицу Нину Ивановну.

Она вышла замуж за П. П. Ширшова, знаменитого полярника, участника экспедиций на Северный полюс. Жили они в большой 5-тикомнатной квартире. Потом нас всех посадили в вызванный по этому случаю ЗИС, который отвез нас обратно в школу. От школьных уроков английского осталось только умение правильно произносить буквосочетание th («ти», «эйч») и способность к быстрому усвоению навыков чтения научных текстов на английском. О том, чтобы когда-то появилась необходимость в разговорной речи, и не помышлялось. О чем я очень жалею, так это о том, что меня частным образом не учили языкам, а школ с обучением на

английском, немецком и французском тогда еще не было. А как бы это пригодилось в дальнейшей жизни! Элла Лаврецкая, Лёнина многолетняя коллега и наш близкий друг, рассказывала, что когда ее не приняли в институт после школы, она целый год (почти наверняка 1953) училась на курсах английского языка, и это в те далекие времена заложило хорошую основу для ее теперешнего владения языком. Дочки тети Майи, Вера и Майя, которые росли уже немножко в другие времена, имели частных учителей по английскому и французскому языкам. Младшая Майя потом учила и японский. Обе закончили физико-математический факультет МГУ. Вере французский пригодился, когда она познакомилась со своим будущим мужем – французским физиком. Мне всегда очень мешало отсутствие минимальных знаний разговорного английского и не было времени и способностей этим вплотную заниматься в Москве, не имея заложенной в детстве основы. Только научную литературу я читала по-английски совершенно свободно. Познакомившись впервые в 1973 году со своим знаменитым английским коллегой Дэвидом Хопвудом мы с ним дискутировали в очной беседе, переписываясь.

Когда я познакомилась с Лёней, моим будущим мужем, уже, по-существу, кончая Московский университет, оказалось, что он знал многих девочек из моего класса через своего двоюродного брата Эдика Гойзмана, с которым тесно общался в школьные и все последующие годы. В компанию моих одноклассниц, которые уже начали посматривать на мальчиков, входила и Таня Самойлова, и Лёня даже пару раз ходил с ней в кино. Светлана Полякова – дочь родителей-музыкантов и сама занимающаяся музыкой профессионально, дружила с Эдиком. Отец Эдика и Лёнин дядя, Исаак Львович Гойзман, был выдающимся скрипачом, и всю жизнь играл в Большом симфоническом оркестре Всесоюзного радио (сейчас Большой симфонический оркестр им. П. И. Чайковского).

В эту компанию моих одноклассниц также входили Оксана Бендер и Наташа Пронина. Светлана Полякова и Оксана Бендер всю последующую жизнь остались близкими друзьями семьи Эдика Гойзмана. Со Светланой Поляковой сидела за одной партой Наташа Гуреева, ставшая впоследствии женой солиста Большого театра А. Ф. Ведерникова. Наталия Николаевна Гуреева – пианистка, органистка, профессор Московской консерватории, заслуженный деятель искусств России.

Вся компания иногда собиралась на последних партах и обменивалась впечатлениями, в частности, я думаю, и о моем будущем муже. Молодые люди уже были студентами московских вузов.

Учились мы в мрачные годы советской истории. В классе было много евреек. Но я совершенно не помню никаких проявлений антисемитизма в нашей школе. Правда, память – штука коварная.

Моя бабушка всю свою последующую жизнь помнила еврейские погромы на Украине до революции и рассказывала как писатель В. Г. Короленко на ее глазах предотвратил еврейский погром в Полтаве. Бабушка с дедушкой еще до войны часто ходили в Еврейский театр на Малой Бронной, благо до театра было рукой подать, и я помню ее восхищенные рассказы о знаменитых актерах этого театра С. М. Михоэлсе и В. Л. Зускине. Бабушка в старые времена была большой поклонницей знаменитого тенора Л. В. Собинова. До революции увлекалась операми Р. Вагнера.

В мое школьное время были ярые поклонницы двух теноров Большого театра И. С. Козловского или С. Я. Лемешева. Я не принадлежала к числу ни тех, ни других, хотя мне нравились голоса обоих этих певцов. Как-то на юге видели И. С. Козловского с женой. Говорили, что он пел там в местной церкви. Лёня рассказывал, что в годы его учебы в Тимирязевской академии И. С. Козловский давал шефские концерты для студентов Тимирязевки в Большом или Малом зале Московской консерватории. В конце концерта на бис он отпускал аккомпаниатора, брал в руки гитару и до поздней ночи пел старинные русские романсы, что тогда не очень-то и поощрялось. Молодая публика была в полном восторге.

В школьные годы я часто ходила в театры: Художественный, Малый, Большой, на концерты по абонементам в Большой и Малый Залы Консерватории. Благо все было рядом и ещё можно было свободно достать (купить) билеты. Училась я хорошо, но времени не хватало из-за дополнительной нагрузки в музыкальной школе. Не помню, чтобы моя мама когда-то приходила в школу, наверное, посещала, но крайне редко, родительские собрания. Один раз за все время учебы сделала мне серьезное внушение за низкие оценки, и я быстренько их исправила.

Я в эти годы совершенно не интересовалась биологией за пределами школьного курса, и, насколько я помню, не читала биологических книг, имеющихся в изобилии в нашей домашней библиотеке. Читала только художественную литературу, да и то только ту, которая была у нас дома. Мама подкупала все, что было необходимо для школьного курса. Любила читать юбилейное полное собрание сочинений А. С. Пушкина, изданное в 1937 г. С 4-го класса я училась в женской школе № 124, которую окончила в 1953 году. Весь 4-ый класс у нас ещё была одна пожилая учительница по всем предметам Анна Герасимовна. Все эти годы Соня Иоффе, Оля Кравец, Валя Вязнер, Светлана Зарх и Нора Ляховецкая были моими подружками. Сонечка, Валя и Светлана учились средне, а Оля и Нора хорошо. Сидела я все свои школьные годы за одной партой с Марой Степанянц, тоже, как и я, хорошей ученицей. Правда, после школы я с ней ни разу не встречалась. Сегодня (1 марта 2017 года) глянула в интернет и обнаружила, каким же известным учёным стала Мариэтта Степанянц. Не могу не привести её послужной список:

«Степанянц Мариэтта Тиграновна. Руководитель Центра Восточных философий Института философии Российской Академии Наук. В 1974 г. защитила докторскую диссертацию на тему: «Мусульманская философская и общественно-политическая мысль XIX–XX вв.» Начиная с 70-х годов книги и статьи М. Т. Степанянц переводятся на многие иностранные языки и публикуются в Индии, Пакистане, США, Великобритании, Канаде, Германии, Ливане, Южной Корее, Монголии, Чехословакии и др. Участник и организатор многочисленных международных форумов и конференций. Президент VII и VIII конференций философов Востока и Запада (1995, 2000 – Гонолулу). Действительный член Российской Академии гуманитарных исследований, член Исполкома Международного общества по изучению индийской философии, член редколлегий ряда зарубежных научных периодических изданий, включая американский журнал *Philosophy East & West* и индийский *Social Sciences Research Journal*.» Вот это да!

С пятого класса у нас уже были разные учителя по разным предметам. Классным руководителем все эти годы был наш математик Федор Иванович Мусатов. Нам он казался очень пожилым. Он был строг, многие теоремы предлагал «повесить в рамку и под стекло». Я очень старалась быть по математике хорошей ученицей, но мне она давалась с трудом, также как и физика. Курс биологии мне нравился, наверное, я все-таки что-то читала сверх программы, судя по моим ответам на уроках, но я этого не помню. Я думаю, что наша учительница по биологии Ольга Феодосьевна и домашняя обстановка все-таки привили мне вкус к биологии. Я ходила у неё в любимчиках. Недавно (уже в 2016 году) Сонечка Иоффе по телефону напомнила мне, что Ольга Феодосьевна на одном из уроков конспективно рассказала в классе, как рождаются дети. Все девочки сидели, не поднимая глаз. А она сказала: «дурочки, кто же Вам ещё об этом расскажет, не родители же». Наш очень строгий физик Борис Васильевич однажды построил весь наш класс в линейку, и вдруг все стали раскачиваться одновременно из стороны в сторону и не могли остановиться. Всех родителей вызвал, а Тане Самойловой, кроме того, записал замечание в дневник.

Учительницей по литературе была Татьяна Ивановна, молодая и очень красивая женщина. Её уроки нам нравились, но, представляется, что она ни на шаг не отходила от утверждённой школьной программы.

Да, забыла упомянуть. В нашем классе училась Наташа Кирпичникова, дочь от первого брака Валентина Сергеевича Кирпичникова, выдающегося генетика. Он был коллегой папы и

в кольцовском институте, и во ВНИИ прудового рыбного хозяйства. Так вот, его первая жена, преподавательница английского языка, жила с матерью и двумя дочерьми (обе сильно болели, особенно младшая, Елена) в полной бедности в полуподвальном помещении около Палашевского рынка. Семья была очень интеллигентная, помню много старинных фотографий. Наташина мама говорила мне, что мыслит по-английски. Мне тогда представлялось, что их отец им не помогал. Может быть, я ошибалась. Я встречала Валентина Сергеевича на рыбхозах, где жила вместе с папой, а потом на научных конференциях и съездах. Еще в кольцовском институте в составе эволюционной лаборатории В. С. Кирпичников возглавил одно из направлений лаборатории – изучение экологической и генетической структуры низших таксономических групп сазана, выполняемое совместно с К. А. Головинской. Как и В. П. Эфроимсон, Валентин Сергеевич внес большой вклад в бескомпромиссную борьбу с лысенкоизмом. Герой Социалистического Труда. Звание присвоено 16 октября 1990 года за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции, подготовку высококвалифицированных научных кадров. Привожу текст этого указа:

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА УЧЕНЫМ, ВНЕСШИМ ОСОБЫЙ ВКЛАД В СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЕНЕТИКИ И СЕЛЕКЦИИ

За особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции, подготовку высококвалифицированных научных кадров присвоить звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот»:

Гершензону Сергею Михайловичу – академику Академии наук Украинской ССР. Дубинину Николаю Петровичу – академику Академии наук СССР. Кирпичникову Валентину Сергеевичу – научному консультанту Института цитологии Академии наук СССР. Рапопорту Иосифу Абрамовичу – члену-корреспонденту Академии наук СССР. Полянскому Юрию (Георгию) Ивановичу – члену-корреспонденту Академии наук СССР. Струнникову Владимиру Александровичу – академику Академии наук СССР. Тахтаджяну Армену Леоновичу – академику Академии наук СССР.

В 1993 году была основана премия имени В. С. Кирпичникова «За выдающиеся работы в области эволюционной генетики».

Я очень плохо помню события в школе и не переставала удивляться, сколько разных эпизодов школьной жизни рассказывали мои одноклассники на встречах уже после окончания школы. События последующих лет как-то вытеснили из памяти мои школьные впечатления. Когда кончали школу, то договорились встречаться ежегодно, 5 декабря тогда еще в день Сталинской Конституции. Этот один день в году я старалась не пропускать никогда. И в этом декабре 2011 г., когда я пишу эти строки, собрались в 58-ой раз. Созвонились по этому поводу

с Сонечкой Иоффе, которая уехала в Америку немного раньше нас, и все наши девочки, включая меня, этому тогда очень огорчились. Когда мы почти после 20-тилетнего отсутствия в 2010-м году приехали в Москву из Америки и я позвонила Оле Кравец, она сразу меня узнала. Все, кто смог, мои школьные подружки приехали к ней повидаться со мной, несмотря на сильную жару летом 2010 г. Они встречаются и в течение года и, как могут, помогают друг другу. Вот и в этом, уже 2016 году встретились в декабре 8! девочек! из нашего класса в 63-й раз!

Вспоминая Малую Бронную тех лет, нельзя не сказать, что, насколько я знаю, трамвай по ней никогда не ходил, вопреки очень правдоподобному описанию у Булгакова. Памятник И. А. Крылову на Патриарших поставили уже, наверное, в 80-е годы. Справа и слева от нашего дома были две булочные, и мы всегда знали, в какую из них надо идти за свежим хлебом. Почти на углу Малой Бронной и Садовой, в новом генеральском доме был очень хороший продовольственный магазин, в него ходили часто, особенно в летнее время, ввиду отсутствия домашних холодильников. Вспоминается также вкус сырковой массы, которая продавалась в берестяных коробочках в Смоленском гастрономе, вафли трех размеров с мороженым между ними. На улицах продавались кустарно сделанные сладкие петушки на палочках, и дети их сосали с упоением. Еще играли маленькими блестящими шариками, набитыми бумагой, которые подпрыгивали на привязанной к ним резинке.

Сегодня (14 декабря 2011) ездили в библиотеку в городок Лос-Алтос, уже живя в Калифорнии. Проходя мимо местного краеведческого музея, увидели в небольшом парке, прилегающем к музею, маленькую старую водокачку 30-х годов, и я вспомнила, что до войны у меня была игрушка, работавшая на том же принципе. Вода перекачивалась из маленького резервуара, когда вверх и вниз двигали ручку, и стекала тоненькой струйкой из длинного носика. Еще вчера среди мелочей в магазине увидела маленькие металлические ведерки для игры в песок. У меня в детстве были такие же. Потом встретила двух близнецов-китайцев, которые шли с такими же ведерками. Некоторые товары в разных концах света продаются почти столетиями. Почему сейчас металлические...

Вспоминается, что в те далекие школьные годы я очень любила ходить зимой в валенках и всегда ждала зимой сильных морозов, чтобы пойти в них в школу вместо ботинок со шнурками. Галош я не любила, помню их клали в специально сшитые мешки и оставляли в школе на вешалке. Потом мне подшили валенки войлочной подошвой с резиновым непромокаемым покрытием. В таких валенках можно было ходить даже по мокрым тротуарам во время оттепелей. Как же много в Москве было сапожных мастерских, где по многу раз чинили старую обувь. Конечно, зимой всегда мечтали, чтобы мороз был ниже 25° С, и тогда занятия отменялись, к всеобщему восторгу, даже в старших классах, и можно было целый день гулять во дворе.

Вся наша семья очень любила Малую Бронную и Патриаршие пруды. Весной всегда наслаждались запахом цветущих старых лип. Особенно ароматными были липы, растущие на аллее бульвара вдоль Малой Бронной. Зимой, когда пруд замерзал, его оборудовали под каток и после войны построили помпезную раздевалку. Она и сейчас там стоит. Мы с подружками из класса часто ходили на каток. У всех были гаги и только Валя Вязнер щеголяла в норвегах и каталась лучше всех. Я каталась совсем неважно. На катке всегда играла музыка, и вечером каток закрывали под песню, которую исполнял Леонид Утесов со своей дочерью Эдит: «Дорогие москвичи, доброй ночи, доброй Вам ночи, вспоминайте нас». В самом центре Москвы это было спокойное место для прогулок мам с колясками и всех детей, живших в окружающих Патриаршие пруды домах. Наша маленькая дочка Оля с няней, а по выходным со мной, проводила там несколько часов в день, начала ходить, когда ей еще и года не было. Лёня, её папа, гулять с ней стеснялся из-за её хулиганского поведения. Уехали мы с Малой Бронной в 1964 году и с тех пор уже редко туда попадали. Каждый раз она менялась. Становилась чужой и какой-то официальной. Массивный памятник И. А. Крылову не придавал никакого уюта детской площадке. Я уже не говорю о том впечатлении, когда мы увидели Малую Бронную, как

совсем незнакомую улицу и Патриаршие пруды в последний наш приезд в Москву в 2010 году. Но наш любимый старый, такой уже чужой дом стоял на прежнем месте, как неприступная крепость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.